

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ «НОВОГО ПЕРИОДА» В ИСТОРИИ РОССИИ*

Е. Заозерская

(Институт истории АН СССР)

В результате дискуссии о периодизации истории СССР выяснилось, во-первых, что «особое внимание привлекли вопросы возникновения и развития капиталистических отношений в России» и, во-вторых, что в настоящее время дискуссия по этим вопросам «не может привести к положительному результату». Последний, по мнению редакции журнала «Вопросы истории», возможен лишь при появлении новых «обширных исследований в области экономической жизни и социальной борьбы XVIII и начала XIX века»², а также, добавим мы, очевидно, и по характеристике надстроечных явлений, так как без учёта их не может быть правильной периодизации.

Подобное заключение представляется не совсем верным, потому что оно, во-первых, означает, что освещение данного периода, а вместе с этим и периодизации истории СССР в целом, откладывается, во всяком случае, на несколько лет, ибо написание «обширных исследований» всегда требует длительного срока. Между тем, по признанию широкой научной общественности и самой редакции журнала «Вопросы истории», «разрешение вопросов периодизации является в настоящее время одним из условий дальнейшего развития советской марксистско-ленинской исторической науки»³ и вряд ли терпит такое отлагательство. С этим же вопросом теснейшим образом связано выполнение работы по написанию многотомных трудов по истории СССР и всеобщей истории. Во-вторых, приведённый выше вывод несколько умаляет проделанную советскими историками за последние десятилетия работу.

Если за это время опубликовано не так много обширных исследований, то статей исследовательского характера появилось довольно много; они основаны на новых, часто архивных материалах и нередко ставят принципиальные вопросы. Такие статьи имеются и по вопросам «экономической жизни и социальной борьбы» и по характеристике общественно-политической мысли и экономических идей интересующего нас в данное время периода (XVII—XVIII — начало XIX века). К ним следует внимательнее присмотреться.

Понятно, что в статьях, посвящённых периодизации истории СССР в целом, нельзя было детально рассмотреть тот или иной период с привлечением имеющегося в распоряжении историков фактического материала. Но поскольку выявилось данное «узкое место», на нём следует сосредоточить внимание; с этой целью необходимо использовать всё, что имеется в исторической литературе, и привлечь специалистов, занимающихся этим периодом — его экономикой, социальными отношениями и историей классовой борьбы, надстроечными явлениями. Специалисты по этим вопросам имеются, и возможно, что их коллективными усилиями удастся глубже осветить интересую-

* От редакции. В связи с тем, что прошедшая дискуссия о периодизации истории СССР обнаружила недостаточную изученность социально-экономической истории России XVII — середины XIX в., редакция начинает публикацию ряда статей, посвящённых этой проблеме.

¹ «Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР». Журнал «Вопросы истории» (в дальнейшем «В И») № 3 за 1951 г., стр. 57, 58

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 53.

шие нас спорные вопросы, хотя и без расчёта на полное и всестороннее их разрешение.

Настоящая статья является начинанием в этом коллективном мероприятии. Соответственно этому задача данной статьи — дать частичный материал по такому обследованию, а не всестороннюю характеристику всего неясного для нас периода. Так как «сначала изменяются экономические условия, а затем соответственно изменяется сознание людей»⁴, закономерно начать обследование с изменений именно этих условий, с тем расчётом, что другие стороны исторического процесса (более или менее развёрнутая характеристика классово-политической борьбы, развития общественно-политической мысли и политических учреждений) послужат предметом специальных статей.

В дополнительном освещении нуждается также первая половина XIX в., хотя в дискуссии этот отрезок времени получил большее освещение как период разложения и кризиса феодальной формации. Естественно, что только в результате коллективной характеристики может быть дана и всесторонне обоснованная периодизация, схема же, заключающая данную статью, выведенная из экономического материала XVII—XVIII вв., является лишь первоначальной намёткой, требующей проверки и коррективов.

Основным вопросом статьи является вопрос о переходном характере «нового периода», соединявшего две противоречивые линии развития: господство феодальных отношений с возникновением и развитием внутри их «буржуазных связей».

Эти положения раскрываются в двух разделах.

Первый содержит данные, свидетельствующие не только о сохранении, но даже об укреплении господствующей феодальной формации на протяжении XVII—XVIII веков.

Во втором даётся характеристика процесса возникновения и развития в недрах этой феодальной формации «буржуазных связей», подготовленных уже в предшествующий период. Здесь затронуты вопросы развития и роста общественного разделения труда, товарного производства в сфере промышленности — мелкотоварного и крупного мануфактурного, — сельского хозяйства и, наконец, товарного обращения в форме «усиливающегося обмена между областями» в пределах складывающегося всероссийского рынка.

В конце статьи ставится вопрос об усложнении и обострении социальных отношений и классовой борьбы в связи с изменениями, происходившими в экономике.

В процессе дискуссии о периодизации истории СССР внимание её участников, начиная с авторов статей, которыми открылась дискуссия, сосредоточилось, с одной стороны, на определении грани между феодальным периодом и периодом капиталистических отношений, с другой, — на вопросе о двух стадиях в процессе зарождения капиталистических отношений: времени существования их «зачатков», или «элементов», и времени существования капиталистического уклада. При этом из поля зрения участников дискуссии выпал вопрос о периоде, предшествовавшем победе капитализма в целом, когда «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит... в недрах старого строя»⁵. Между тем основоположники марксизма выделяют «переходные эпохи», характеризующиеся глубокими внутренними противоречиями. «Абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии»⁶.

Характеризуя «переходную систему» хозяйства в пореформенной деревне, «соединяющую в себе черты и барщинной и капиталистической системы», В. И. Ленин заключает: «Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов... Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе»⁷.

⁴ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 319.

⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 123.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 212.

⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 161. 4-е изд.

Вопрос о необходимости выделения переходных периодов поставлен в статье

Что касается возникновения буржуазного строя или «буржуазного общества», то Маркс писал, что оно «подготавливалось с XVI века, а в XVIII — сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»⁸. Этот период подготовки, когда совершался «процесс превращения феодального способа производства в капиталистический»⁹, Маркс называет мануфактурным периодом, акцентируя тем самым внимание прежде всего на появлении в сфере производства «новшества» в форме мануфактуры.

И. В. Сталин выделяет в истории России «эпоху поднимающегося капитализма». В противоположность предшествовавшему периоду, когда отсутствовали национальные рынки, экономические и культурные центры, то есть те факторы, «которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»¹⁰, «эпоха поднимающегося капитализма» характеризуется наличием таких рынков и центров и деятельностью буржуазии, которая, «разрушая феодализм и феодальную раздроблённость, собирала нацию воедино и цементировала её»¹¹.

Развивая данную концепцию, И. В. Сталин напоминает указания В. И. Ленина и приводит его замечательные слова о новом периоде в истории России, характеризующемся возникновением в недрах феодализма буржуазных связей, под которыми понимаются усиливающийся обмен между областями, растущее товарное обращение и концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок¹². Это и есть то новое, что позволяет выделить или отделить данный период как «новый» сравнительно с предыдущим периодом «средних веков».

Ещё определённое сущность «нового периода» В. И. Ленин подчеркнул, характеризуя развитие политического строя России за три века (XVII—XIX) как «направление к буржуазной монархии». Этому направлению в политической надстройке соответствовали изменения в базисе, которые Ленин определил как капиталистическую эволюцию страны¹³. В этих высказываниях В. И. Ленина начало данного процесса относится к XVII в., причём весь век включён в рассматриваемый период. В тех же высказываниях «монархия первой половины XIX века» противопоставляется монархии 1861 — 1904 годов¹⁴. Вынужденная освободить крестьян «сверху», «открывая дорогу капитализму», по словам В. И. Ленина, «к XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя»¹⁵.

Таким образом, В. И. Ленин прокладывает глубокую грань по линии 1861 г., отделяя период нарастания буржуазных связей от их победы, период подготовки от периода господства капитализма.

Внутренняя периодизация на более мелкие этапы намечена Лениным применительно к эволюции политической надстройки: монархия XVII в. с боярской думой, чиновничье-дворянская монархия XVIII в. и монархия первой половины XIX века¹⁶.

Но не противоречит ли этому выдвинутая Н. М. Дружининым и поддержанная некоторыми участниками дискуссии теория двух стадий вызревания капиталистической формации вообще, в том числе и в России?

Следует заметить, что, выдвигая теорию двух стадий — стадии «зачатков» и стадии «уклада», — Н. М. Дружинин не обращается непосредственно к учению В. И. Ленина об общественно-экономических укладах, а ссылается на устный доклад В. К. Яценского, который, по словам Н. М. Дружинина, впервые развил мысль о различии между зачатками той или иной формации¹⁷, укладом и собственно формацией в учении клас-

И. С. Миллера («В И» № 11 за 1950 г.) и отчасти в статье И. И. Смирнова («В И» № 12 за 1950 г.). Наиболее отчётливо этот период намечен в заключительной статье В. Пашуто и Л. Черепнина как период «позднего феодализма» («В И» № 2 за 1951 г.).

⁸ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 193. Госполитиздат. 1951.

⁹ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 754. Госполитиздат. 1949.

¹⁰ И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 336.

¹¹ Там же, стр. 336; ср. также И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13. Госполитиздат. 1950.

¹² См. И. В. Сталин. Соч. Т. 11, стр. 337; В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 137.

¹³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 117.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 308.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 117.

¹⁷ См. «В И» № 11 за 1949 г., стр. 93.

сиков марксизма. Между тем в докладе того же В. К. Яцунского на тему «Ленин как историк-экономист», сделанном и напечатанном им в 1949 г.¹⁸, не подчёркивается того, что в процессе возникновения капиталистических отношений Ленин разграничивал «элементы», «уклад» и «формацию» (и соответственно этому намечал стадии в развитии этих отношений). Напротив, в статье указывается, что, разрабатывая «понятие об общественно-экономических укладах как о типах экономических отношений, существующих внутри формации», Ленин имел в виду и «зародыши», или элементы, будущей формации, и «остатки предшествующих общественных форм», и «тип экономических отношений, характерный именно для данной формации».

Обращение к первоисточнику приводит к выводу о правильности понимания учения классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических укладах В. К. Яцунским и о неверном его толковании Н. М. Дружининым. В этом учении понятие «уклад» не противопоставляется «элементам» и не фигурирует в качестве промежуточного звена между ними и формацией. Поэтому и возможно одновременное существование нескольких укладов как типов разных экономических отношений.¹⁹

Мало того, понятие «уклад» нигде в трудах В. И. Ленина не употребляется для обозначения «суммы сложившихся отношений», а тем более «оформившегося единства» (прав был один из участников дискуссии, отметивший неопределённость и расплывчатость этого выражения) элементов, проникших во все стороны общественной жизни. В. И. Ленин, говоря об укладе (не в понятии формации), обычно имеет в виду экономик. Таковы известные высказывания о наличии пяти укладов в экономике России первых лет советской власти, или о смене «двух укладов общественного хозяйства»²⁰, или о строе «экономических отношений в «общинной» деревне», который «отнюдь не представляет из себя особого уклада»²¹. Поэтому в качестве синонимов уклада Ленин употребляет выражения: «элементы хозяйственного строя», «экономический порядок» или «система» в сфере экономических отношений.

Таким образом, в трудах Ленина нет определения особых стадий — «элементы» и «уклад» — в процессе вызревания капиталистической формации, которые можно было бы выделить или разграничить даже хронологически. Отсюда, как и показала дискуссия, чрезвычайная шаткость и субъективность в попытках такого разграничения и определения подобной грани на конкретном материале XVIII века.

Говоря о генезисе капитализма, понятием «уклад» следует пользоваться в том значении, какое придают ему основоположники марксизма, то есть для определения возникающего нового, но ещё не победившего «экономического порядка», или «уклада общественного хозяйства».

Возникновение нового уклада начинается вместе с появлением первых элементов нового порядка в сфере производительных сил и производства, а затем в сфере связанных с ним производственных отношений. Вместе с ростом этих элементов выявляется и крепнет уклад. Его укреплению содействуют новые явления надстроечного характера, например, укреплению возникающего капиталистического уклада — политика покровительства развитию промышленности и торговли, а также новые общественные идеи вроде меркантилизма — этой первой теории «подымающегося капитализма».

Вопрос о периоде, предшествовавшем победе капитализма в России и характеризующемуся чертами «переходной эпохи», в целом был поставлен мною впервые на дискуссии по периодизации истории СССР в Академии общественных наук в феврале 1950 года. Тогда же я намечала начальной гранью этого периода первые десятилетия XVII в. и конечной — 1861 г., а также две примерные внутренние грани — петровское царствование и конец XVIII, а возможно, даже начало XIX в., когда ясно обнаруживается разложение, а затем кризис феодальной формации²².

¹⁸ См. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии». Т. VI, № 1. 1949.

¹⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 272 — 273, 309 — 310; т. 33, стр. 381.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 431.

²¹ Там же, стр. 141.

²² См. Материалы дискуссии (конец февраля — начало марта 1950 г.) в Академии общественных наук о периодизации истории СССР. (Печатаются.)

В периоды переходного характера особо выявляется то положение, что «в жизни всегда существует новое и старое, растущее и умирающее»²³. В изучаемый нами период «старым» являлись феодальные отношения, «новым» — зарождавшиеся и в дальнейшем развивавшиеся «буржуазные связи». Но старое сохраняло ещё преобладающую силу, власть крепостников в течение трёх четвертей данного периода даже расширялась в целях сохранения своего господства, в борьбе с явлениями нового порядка. Но и последние, хотя и выглядели ещё непрочными, развиваясь, непреодолимо пробивались через толщу старого и делали своё дело. «Прогрессивные элементы, — пишет И. В. Сталин, — стихийно продолжают свою повседневную работу и вносят в старые порядки мелкие, количественные, изменения»²⁴. По мере накопления последних тормозящее влияние старого и подтачивающее действие нового становятся очевиднее и приводят к напряжённой борьбе «между старым и новым, между умирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся»²⁵. Конкретно эта борьба прослеживается при изучении любого более или менее крупного явления, в пределах же настоящей статьи возможно дать лишь обобщённое представление о сложности процесса на данном этапе исторического развития.

Не только в XVII, но и в XVIII и в начале XIX в. в деревне, включая и помещичье хозяйство, продолжало господствовать натуральное хозяйство. Абсолютно преобладающим занятием оставалось земледелие (в конце XVIII в. деревенское население составляло 96,4%), сохраняя при этом экстенсивный характер. Низкая техника, примитивная система земледелия, частые неурожаи были характерными чертами крепостного хозяйства на протяжении всего XVIII века²⁶. Трёхполье утвердилось лишь «в старых районах нечернозёмной промышленной полосы», удобрение применялось только в помещичьих хозяйствах, и то далеко не во всех, крестьяне же, по словам Щербатова, «сего не исполняют»²⁷, то есть не удобряют почву. Сохраняла своё значение рента продуктами; даже в начале XIX в. городская, в частности московская, усадьба помещика жила тем, что привозилось целыми обозами из деревни. «Домашний обиход» крестьянина и в значительной степени помещика удовлетворялся не только продуктами, но и изделиями, изготовлявшимися в собственном хозяйстве. Такой поборник приспособления помещичьего хозяйства к рыночным отношениям, как В. Левшин, в конце XVIII в. писал: «Не токмо сие прибыльно, но и великое составляет удовольствие то, чтоб иметь у себя все домашнее, а не принуждену быть искать и покупать в других местах»²⁸.

В материалах конца XVIII — первой половины XIX в. имеются указания на повсеместное распространение крестьянской домашней промышленности, удовлетворявшей прежде всего потребности собственного хозяйства²⁹. Один из авторов начала XIX в., вспоминая совсем недавнее прошлое, писал, что «поселяне должны были сами удовлетворять своим необходимым потребностям и некоторым образом быть ремесленниками и фабрикантами, по крайней мере в предметах, необходимых для их жилища, одежды и содержания»³⁰. Поместье обслуживалось крепостными специалистами. Каждый помещик, пишет И. Болтин, «имеет в числе дворовых своих людей всех нужных ремесленников»³¹.

В сфере промышленного производства для внутреннего рынка на протяжении, во всяком случае, трёх четвертей «нового периода» господствовало мелкое производство

²³ И. В. Сталин. Соч. Т. I, стр. 298.

²⁴ Там же, стр. 301.

²⁵ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 104.

²⁶ См. П. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I, стр. 439—440. Огиз. 1947.

²⁷ М. Щербатов. Соч. Т. I, стр. 643. СПб. 1896.

²⁸ В. Левшин. Всеобщее и полное домоводство. Кн. I, стр. 98. М. 1795.

²⁹ См. И. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века, стр. 25—30. М.-Л. 1950.

³⁰ К. Арсеньев. Начертание статистики Российского государства. Ч. I, стр. 135. СПб. 1818.

³¹ И. Болтин. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклера. Т. II, стр. 333. СПб. 1788.

города и в значительной степени деревни. Несмотря на рост общественного разделения труда, о чём речь пойдёт ниже, процесс отделения города от деревни был ещё далеко не завершён. Городское население в годы правления Петра I составляло 3,2%, а к концу века поднялось всего до 3,6%. По занятиям жителей город зачастую приближался к деревне: городское ремесло соединялось с земледелием, в то время как в деревне земледелие соединялось с промыслом. В источниках оговаривается, что крестьяне-промышленники работают «зимнюю пору, а в летнюю рабочую пору не работают»³². Однако городской ремесленник и мелкий товаропроизводитель по размерам производства и применению примитивной ручной техники, за исключением представителей профессий более высокой квалификации, мало чем отличались от своих деревенских собратьев.

Таким образом, основной производящей силой в земледелии и в промышленности оставались непосредственные мелкие производители, имевшие собственные орудия труда и своё небольшое хозяйство.

До конца изучаемого периода сохранялась основа производственных отношений феодального общества — «собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства»³³. При этом в течение XVII—XVIII вв. эта основа заметно расширялась и укреплялась вместе с расширением и укреплением землевладельческого класса. Крепостнические отношения распространялись на новые, главным образом окраинные земли; раздача земель и крестьян дворянству не только продолжалась, но и увеличивалась, крепостной труд широко использовался в металлургической и суконной промышленности. Вместе с тем имел место рост крепостнической эксплуатации, прежде всего в её основных формах: барщины — на более плодородных землях, оброка — в центральных уездах. При первых Романовых «власть дворянства над крестьянами стала быстро усиливаться, и в дальнейшем крепостное состояние постепенно сделалось общим условием их быта»³⁴.

Усилению власти крепостников способствовало узаконение, начиная с Уложения 1649 г. и кончая введением подушной подати и ответственности за неё помещика, крепостного права, которое до того, по словам Маркса, «оставалось незаконной узурпацией со стороны бояр»³⁵. Всё это привело к установлению безграничной власти и произвола помещика над личностью и имуществом крестьянина, когда крепостное состояние «ничем не отличалось от рабства»³⁶. В таком положении в начале 1760-х годов находилось 52,40% всего крепостного населения; остальное состояло в феодальной зависимости от дворян или феодального государства³⁷.

На протяжении всего периода не только сохранялась, но в связи с ростом крепостничества и эксплуатации крестьян усиливалась классовая борьба в характерной для феодального строя форме крестьянского движения против крепостничества. Непрерывно протекавшая в виде повсеместно распространённых отдельных выступлений крестьян, в этот период она периодически выливалась в массовые крестьянские восстания. При этом крестьянским восстаниям XVII—XVIII вв. были присущи общие черты «стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»³⁸, а также общие причины поражения. Различать же в этом движении два периода, или два «типа»: старый, в форме «крестьянских бунтов XVII — начала XVIII в.» «против феодального закрепощения», и «новый», в виде волнений крестьян 1760-х годов «против феодальной эксплуатации»³⁹, как предлагает П. М. Дружинин, — нет оснований ни методологического, ни фактического (которые не приводятся и самим инициатором такого деления) характера.

Данным производственным отношениям соответствовал политический строй. Господствовавший в экономических отношениях класс держал в своих руках государствен-

³² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), фонд Берг-коллегии, кн. 608, л. 347.

³³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 120.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. I, стр. 536.

³⁵ Там же.

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 439.

³⁷ См. П. Ляшенко. Указ. соч., стр. 413—414.

³⁸ И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 23. Партгосиздат ЦК ВКП(б). 1937.

³⁹ «В И» № 11 за 1949 г., стр. 94

ную власть. «Всевластие» землевладельцев в изучаемый период с наибольшей полнотой проявилось в политических событиях XVIII века: государственный аппарат, начиная с представителей царской власти, был послушным орудием и средством классового господства дворянства. В целях его укрепления, в противовес растущей классовой борьбе, государственная власть концентрировалась в форме «чиновничь-дворянской монархии» с бюрократической системой управления, являвшейся более усовершенствованным аппаратом угнетения и «удержания масс в узде»; с большой регулярной армией, предназначенной для той же цели, а также для осуществления внешней функции дворянского государства; с усовершенствованной системой розыска, тюрем и наказаний; показателями усилий, делавшихся в этом направлении правящим классом, служили Преображенский приказ и Тайная канцелярия. Политические учреждения содействовали укреплению своего базиса.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода наличие господство феодального способа производства с характерным для него состоянием производительных сил и производственных отношений. Таково первое основное положение для характеристики изучаемого периода в истории России. Но не менее важно второе: на протяжении того же периода «подготовлялись» начавшийся с первых десятилетий XIX в. кризис этого господствовавшего строя, равно как и последовавшая за ним победа капитализма. При рассмотрении данного процесса в дальнейшем нужно иметь в виду, что усиление в изучаемый период процесса общественного разделения труда, товарного производства и обращения на более широком рынке началось ещё в предшествующие столетия, ибо и эти явления «создавались исподволь», но тогда они находились лишь «в зачаточном состоянии». Подготовленная же ими экономическая консолидация приходится уже на «новый период»; в этом его основное значение в общем процессе исторического развития России.

Рост общественного разделения труда, являющегося «основой товарного хозяйства»⁴⁰, имел место уже в XVI в.⁴¹; с XVII в. он заметно усиливается.

Общественное разделение труда шло прежде всего по линии отделения промышленности от сельского хозяйства или города от деревни. Внешним показателем этого процесса является относительный рост городов и городского населения, в первую очередь посадского, занимавшегося разными промыслами и торговлей. Уже по переписи 1678 г., в одной Москве значилось 4 845 посадских дворов, а по переписи 1701 г. — 5 568 дворов из общего числа 16 357⁴². Не считая эти цифры абсолютно точными, мы всё же можем констатировать рост торгово-промышленного населения Москвы.

Какую часть посада составляло ремесленное население, определить нельзя, но известно, например, что уже в первой половине XVII в., по неполным данным росписного списка 1638 г., в Москве насчитывалось свыше 2 тыс. мелких производителей самых различных специальностей. В дальнейшем, по мере отделения промышленности от земледелия, происходила всё большая концентрация мелкого производства в городе, и прежде всего в Москве. Так, через сто лет, в 1731 г., в Москве в цехи записалось 8 566 человек⁴³.

Промышленное население сосредоточивалось в значительных количествах не только в Москве. По той же переписи 1678 г., Ярославский посад, уже тогда славившийся обработкой кожи и волокна, насчитывал свыше 2 тыс. дворов; Вологда, Нижний-Новгород, Вятка, Кострома — свыше тысячи; в Устюге, Калуге, Архангельске число посадских дворов приближалось к тысяче⁴⁴. Промышленный характер имели наиболее крупные города центра, однако в 20-х годах XVIII в. и в северо-восточных городах (Вятка, Слободской, Кунгур, Верхотурье) количество мелких производителей дохо-

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 15.

⁴¹ См. С. Бахрушин. Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI веке. «Учёные записки» МГУ. Вып. 87. М. 1946

⁴² См. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом, стр. 309 — 310. М. 1872. Подсчёт посадских дворов произведён мною. — Е. З.

⁴³ См. «Крестьянская промышленность XVIII и первой половины XIX в.». Т. II, стр. 65. М.-Л. 1950.

⁴⁴ См. ЦГАДА. Дела разрядные, кн. I, л. 550—558.

дило до 200, и ещё больше их насчитывалось в крупных сибирских городах: в Тюмени — 280, в Тобольске и Томске — до 400 в каждом⁴⁵.

На протяжении XVIII в. наблюдается дальнейший рост численности посадского населения. Так, за время между первой (1724—1725 г.) и второй (1744 г.) ревизиями оно увеличилось на 24 054, а между второй и третьей (1762 г.) — на 16 тыс. человек мужского пола⁴⁶. Однако и эти показатели не являются исчерпывающими, так как торговлей и промышленностью в городах занимались и те, кто не был записан в посад.

Рост торгово-промышленного населения городов происходил за счёт отрыва от земли и ухода в город части земледельцев-крестьян. Этот процесс имел место в XVII в. и усилился с начала XVIII в., о чём свидетельствует состав цеховых ремесленников 1720-х годов. Так, в Москве из 8 566 ремесленников записавшихся из крестьян оказалось 3 920 человек, или 45,7%⁴⁷. Уход в город и отход крестьян в поисках кратковременного заработка значительно усиливаются, принимая местами массовый характер⁴⁸, в середине и во второй половине XVIII века.

Постепенное отделение промышленности от земледелия происходило и внутри самой деревни.

Уже в XVII в., а тем более в первой половине XVIII в. изделия крестьянской промышленности имели широкое обращение на внутреннем рынке⁴⁹. Занятие промыслом особенно распространилось в деревне во второй половине века. Современные идеологи сохранения незыблемости феодальных форм хозяйства с сокрушением отмечали растущий отрыв крестьян от земли. «Сие есть коренное зло в России, — писал М. Щербатов, — что во многих её областях великое число крестьян, оставляя земледелие, ударилось в другие промыслы»⁵⁰. В другом тексте, возвращаясь к той же мысли, автор определяет это «великое число» довольно точно: «Следовательно, по этому весьма умеренному расчёту находится не менее 1150 тысяч предназначенных и способных к земледелию, которые не заняты им». Всего же «способных к земледелию» автор насчитывает 4 млн. человек⁵¹. Таким образом, «призрачная видимость значительного прироста» отрывает от земли одну четвёртую часть крестьянства — процент, высокий для крепостной России, достаточно иллюстрирующий степень отделения промышленности от земледелия. На те же явления ссылаются и другие писатели-экономисты второй половины XVIII века. «Из сословия земледельцев, — писал И. Болтин, — знатное количество перешло в сословие промышленников, фабричных, ремесленников. Прибыло много городов, заведены многие здания, к строению которых потребовалось великое число мастеровых»⁵².

Крестьянин, занимавшийся промыслом, далеко не всегда уходил в город; увеличилось промышленное население в самой деревне (оно концентрировалось в отдельных селениях); росло количество торгово-промышленных слобод и сёл. Этот процесс имел место в XVII и в начале XVIII в., а во второй его половине принял «бурный характер»⁵³.

Одновременно развивалось намечавшееся уже в XVI в.⁵⁴ «второе», или географическое, разделение труда. Определелись хлебные районы: ближние к Москве — по

⁴⁵ См. статью автора «К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII века». «В И» № 6 за 1949 г., стр. 72—73.

⁴⁶ А. Кизеветтер. Посадская община в России XVIII столетия, стр. 113. М. 1903.

⁴⁷ «Крестьянская промышленность». Т. II, стр. 65.

⁴⁸ К. Щербатов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1785), стр. 91. М. 1947.

⁴⁹ См. К. Сербина. Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII в. «Исторические записки» № 25 за 1948 г.; Н. Устюгов. Ремесло и мелкотоварное производство в Русском государстве XVII в. Там же, № 34 за 1950 г.; А. Шапиро. История крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. Там же № 31 за 1950 г.; Е. Заозерская. Указ. соч.

⁵⁰ М. Щербатов. Статистика в рассуждении России, стр. 22. М. 1859.

⁵¹ Его же. Записка по крестьянскому вопросу. Неизданные сочинения, стр. 334. М. 1935.

⁵² И. Болтин. Указ. соч., стр. 334.

⁵³ А. Разгон. Промышленные и торговые слободы и сёла Владимирской губернии. «Исторические записки» № 32 за 1950 г., стр. 150.

⁵⁴ См. С. Бахрушин. Указ. соч.

Оке, и, позднее, более дальние — орловские и тамбовские, а к середине XVIII в. — большая часть всей Воронежской губернии; районы, славившиеся льноводством, — псковский, новгородский, владимирский и ярославский, также пенькой — смоленский, дорогобужский, вяземский; районы огородничества и скотоводства, особенно овцеводства, — воронежский, казанский и чебоксарский. Параллельно наметились промышленные центры (Москва, Ярославль, Нижний, Кострома, Вологда) с их районами. Раньше других выявились металлургические районы, за ними текстильные (по выработке льняных тканей и сукна); кожевенным производством славились Ярославль, Суздаль, Казань, хотя выработка кож для собственного потребления производилась повсеместно. Издавна существовали районы солеварения, пушных и лесных промыслов.

К концу XVII в. определилась и более дробная специализация местных промыслов. Через таможенно Устюга Великого проходили «калужские ножи и ковши, усольские ножики, устюжские ножницы, вятские крашенины, углицкие выбойки, ивановское полотно, ярославские холсты, кушаки, рубашки, замки, кожи, зеркала, костромское мыло»⁵⁵. С большей отчётливостью определилась специализация отдельных районов в течение следующего, XVIII века⁵⁶. Выявились новые виды специализации, как, например, шелкоткачество в Московском и Богородском уездах, набоечное дело в Суздальском и Владимирском⁵⁷.

Во второй половине века вполне выявился промышленный характер Московской губернии. «Об Московской губернии, — пишет М. Щербатов, — особливо должен сказать, что в оной не токмо ее жители потребляют хлеб, но также множество приходящих из всех городов, да и сами жители, находя себе удобные промыслы, довольные не прилежат к земледелию»⁵⁸. Местные промыслы развивались и в других губерниях. «Некоторых провинций жители, — писал Болтин, — почти все наголову упражняются в одном промысле, однакож и земледелия вовсе не покидают... Многие также есть знатные селы, коих жители одним ремеслом кормятся»⁵⁹.

Рост общественного разделения труда вёл к заметному расширению товарного производства и обращения, имевших место и в предшествующем, XVI веке⁶⁰. В XVII в. то и другое становится более заметным, а с начала XVIII в. — широко распространённым и весьма значительным явлением в экономике страны.

В течение XVII в. значительно суживается роль феодального, или вотчинного, ремесла, что наблюдается даже в крупнейшем дворцовом хозяйстве. «Изделье» на дворец его ремесленников, например, кадашевцев, к концу века принимает всё более фиктивный характер; под влиянием развития товарно-денежных отношений дворец заме-

⁵⁵ Сводные данные по XVII в. взяты из ряда статей советских историков: см. К. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. «Проблемы источниковедения», вып. 1. М.-Л. 1938; его же. Торговля Великого Устюга в середине XVII в. «Учёные записки» Института истории РАН ИОН. Т. IV. М. 1929; Н. Устюгов. Указ. соч.; С. Бахрушин. Исторический очерк бывш. Московского уезда. «Московский краевед». Вып. 5. М. 1930; С. Сакович. Торговля мелочными товарами в Москве в конце XVIII в. «Исторические записки» № 20 за 1946 г.; К. Сербина. Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII в. «Исторические записки» № 25 за 1948 г.; Е. Чистяков. Псковский торг в середине XVII в. «Исторические записки» № 34 за 1950 г.; Н. Привалова. Торги гор. Касимова в середине XVII в. «Исторические записки» № 21 за 1947 год.

⁵⁶ См., например, характеристику отдельных губерний у М. Щербатова. Указ. соч.

⁵⁷ См. И. Мешалин. Указ. соч., гл. 2. Сведения о специализации отдельных районов в первой половине XVIII в.; см. Б. Кафенгауз. География внутренней торговли и экономическая специализация районов России в 20-х гг. XVIII в. «Вопросы географии». Сборник 20. 1950.; Е. Заозерская. Указ. соч.; Е. Кушева. Торговля Москвы в 30—40-х гг. XVIII в. «Исторические записки» № 23 за 1947 год.

⁵⁸ М. Щербатов. Соч. Т. I, стб. 653. СПб. 1896.

Для характеристики Московской губернии петровского времени чрезвычайно выразительны данные «Генеральной ведомости о товарах семи губерний», составленной в Комиссии о коммерции в 1727 г. на основании материалов местных и московских таможен (ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, оп. I, № 105). Ведомость обнаруживает огромное, почти поглощающее значение Московской губернии в деле производства и отпуска в разных направлениях самых разнообразных промышленных изделий, как предметов роскоши, так и предметов первой необходимости.

⁵⁹ И. Болтин. Указ. соч., стр. 333.

⁶⁰ См. С. Бахрушин. Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI веке.

няет «изделье» денежным оброком, а дворцовые ремесленники уже занимаются торгами и промыслами, не связанными с дворцом⁶¹. Их изделия поступают на рынок, с другой стороны, дворцовые приходо-расходные книги пестрят записями о покупке в рядах разнообразных товаров и даже о заказах на сторону слободским ремесленникам⁶².

Вотчинное ремесло сохраняло своё значение в жизни поместья на протяжении всего изучаемого периода, но оно теряло значение в обстановке большого города, где к услугам представителей господствующего класса был оживлённый рынок и многочисленные городские ремесленники, работавшие «на всяких чинов людей». В XVII в. уже не представляло затруднений не только заказать, но и приобрести готовые изделия. Рынок был наполнен ими, так как мелкий производитель, как правило, работу на заказчика соединял с работой на рынок. Многие же, по их показаниям, работали только на продажу «на ряды» или «в ряды», причём иногда мелкий товар производитель сам реализовывал на рынке свои изделия, чаще же — при посредничестве торговца-скупщика.

Рассмотрение мелкого производства в разных отраслях и в разных районах Русского государства XVII в. позволило его исследователю Н. В. Устюгову сделать следующий вывод: «В целом процесс перерождения ремесла в товарное производство прослеживается в русском народном хозяйстве XVII в. достаточно отчётливо, причём в одних производствах он более заметен, в других — менее, но в основном русские ремесленники XVII в. работали и на заказ и на рынок, и эта работа для рынка усиливается во второй половине века и особенно в его конце»⁶³.

В XVIII в. товарность мелкого производства — широко распространённый факт не только для города, но и для деревни. Уже в 20-х годах XVIII в. мелкие производители таких далёких городов, как Слободской, Кунгур, Енисейск, работали «в торг»⁶⁴.

В конце XVII — начале XVIII в. крестьянские изделия — железные, холст, сермяжное сукно, вареги — скупались в огромных количествах. Они служили предметом оживлённой торговли, внутренней и внешней. Когда при Петре последовало запрещение выработывать и продавать узкие холсты, их скопилось по деревням «многом ста тысяч аршин»⁶⁵.

Что касается новых производств, таких, как шелкоткацкое, производство тонкого цветного сукна и широкого лощёного полотна, которые появились в России лишь с начала XVIII в., то мелкий производитель (сначала Москвы и подмосковных сёл, а затем и более отдалённых районов) быстро освоил эти виды производства и уже во второй четверти XVIII в. начал производство на рынок. В этих отраслях, по словам специалиста-исследователя И. В. Мешалина, «первые десятилетия XVIII в. для крестьянства были своего рода начальным периодом учебы в промышленности»⁶⁶. Но уже с середины века крестьянская текстильная промышленность приобретает характер мелкотоварного производства. «Как раз в это время, в середине XVIII в., получает широкое развитие и мелкотоварное производство крестьян», — писал И. В. Мешалин, специально изучавший крестьянскую промышленность наиболее передовой в этом отношении Московской губернии⁶⁷.

По данным внутренних таможен середины 1720-х годов, изделия крестьянской промышленности обращались на рынке в огромных количествах и служили предметом вывоза из всех губерний, хотя и с известной специализацией (гвозди и сошники, например, преимущественно из Новгородской губернии, а скобы из Нижегородской; коромысла и лопаты из Московской; бочки, кадки, лагуны из Нижегородской, а решёта из Новгородской)⁶⁸.

⁶¹ См. А. Якобсон. Ткацкие слободы и сёла XVII в. М.-Л. 1934.

⁶² См. А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. М. 1877; вып. 2. М. 1883.

⁶³ Н. Устюгов. Указ. соч., стр. 107.

⁶⁴ Е. Заозерская. Указ. соч., стр. 82 — 83.

⁶⁵ А. Шапиро. Указ. соч., стр. 132.

⁶⁶ И. Мешалин. Указ. соч., стр. 41.

⁶⁷ См. там же, стр. 47.

⁶⁸ См. ЦГИАЛ. Комиссия о коммерции, оп. I, № 105.

Рост товарности мелкого производства и расширение рыночных связей привели к укрупнению «мелкого, разрозненного сбыта»; отсюда усиление роли торгового капитала в мелких промыслах в качестве скупщика и частично их организатора. Работа на скупщика как «особая форма производства», носившая капиталистический характер, встречается в первой четверти века и распространяется в дальнейшем⁶⁹. Однако мелкое товаропроизводство, даже городское, и в XVII и в XVIII вв. в подавляющей массе являлось простым товаропроизводством, хотя и в этом отношении между двумя веками есть разница. Применение наёмного труда и процесс укрупнения мелкой мастерской становятся заметнее уже в первых десятилетиях XVIII века. Раньше всего этот процесс наблюдается в металлургии. Примером может служить Тульская оружейная слобода, где уже в 10—20-х годах XVIII в. происходило заметное укрупнение одних заведений и разорение других. Наличие нескольких горнов и кузниц предполагает использование наёмных работников, численность которых в некоторых случаях должна была достигать нескольких десятков, то есть мастерская приближалась к мануфактуре⁷⁰.

Во второй половине века разложение мелкотоварного производства наблюдается в крупных центрах крестьянских металлургических промыслов. В селе Павлове, Нижегородской губернии, где масса населения занималась выделкой таких изделий, как замки, ножи, ножицы и др., постепенно выделились не единицы, а десятки более «зачиточных промышленников», на которых работали мелкие производители, бывшие недавно самостоятельными⁷¹.

Следовательно, к концу XVIII в. в металлургии ясно выявляется характерная форма капиталистической мануфактуры, возникающей на базе крестьянских промыслов с широким использованием работы на дому.

К тем же выводам приводит анализ крестьянских текстильных промыслов. Если в начале XVIII в. наёмный труд в этих промыслах «был ещё очень ничтожен», то к середине века он становится более заметным, а к концу века принимает значительные размеры⁷². Это означало, что мелкотоварное производство в руках более зажиточных крестьян-промышленников укрупнялось. Как и в металлургии, данный процесс наблюдался прежде всего в крупных центрах крестьянской текстильной промышленности: полотняной и хлопчатобумажной — в селе Иванове и Вязниках, Владимирской губернии, шелкоткацкой — в селе Павлове-Вохне, Московской губернии⁷³. Уже с 1730-х годов среди крестьян села Иванова выделились промышленники Грачёвы, Гандуриц, Зубков, Дуденьский. В 1770-х годах у некоторых промышленников села Павлова-Вохны было по 9—11 станов, а в селе Иваново в 1789 г. в 141 из 188 павлово-вохненских изб применялся наёмный труд, в некоторых случаях до 25 человек⁷⁴. Это уже были предприятия мануфактурного типа. В конце XVIII в. в ряде вотчин Шереметева, например, было заметным явлением выделение из крестьянской среды зажиточной верхушки, державшей в руках «довольно крупные промышленные заведения» и эксплуатировавшей местных бедняков-крестьян в качестве наёмных рабочих⁷⁵. С конца же века стала применяться капиталистическая работа на дому для скупщика, без которой, по словам В. И. Ленина, «трудно, почти невозможно себе представить»⁷⁶ капиталистическую мануфактуру. «Мануфактура этого типа, возникнув в конце XVIII века в полотняной промышленности, продолжала развиваться в дальнейшем»⁷⁷.

Приведённые факты из области развития мелкой, в частности крестьянской, промышленности чрезвычайно существенны для определения сдвигов, происходивших на протяжении XVII—XVIII вв. в направлении «капиталистической эволюции страны».

⁶⁹ См. А. Шапиро. Указ. соч., стр. 141; И. Мешалин. Указ. соч., стр. 89. Е. Заозерская. Указ. соч., стр. 83.

⁷⁰ Сведения взяты из работы акад. С. Г. Струмилина о чёрной металлургии XVIII века (рукопись) с любезного согласия автора.

⁷¹ См. К. Щепетов. Указ. соч., стр. 95—96.

⁷² См. И. Мешалин. Указ. соч., стр. 26—27.

⁷³ См. А. Разгон. Указ. соч., стр. 137—141.

⁷⁴ См. И. Мешалин. Указ. соч., стр. 101.

⁷⁵ См. К. Щепетов. Указ. соч., стр. 99—100.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 387.

⁷⁷ И. Мешалин. Указ. соч., стр. 108—109.

2-2*

Другим важным показателем той же эволюции является история развития крупной мануфактурной промышленности, организовывавшейся предпринимателями в целях получения продукции в больших количествах путём увеличения производительности труда. Даже при простой кооперации, писал Маркс, «дело идет не только о повышении путем кооперации индивидуальной производительной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по самой своей сущности есть массовая сила»⁷⁸. Тем большие возможности даёт предпринимателям мануфактура, организующая «массовую силу» по принципу разделения труда; недавний самостоятельный производитель превращается в детального рабочего того механизма, составными частями которого являются люди⁷⁹. «В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в основном неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и, всецело подчиняя его индивидуальную рабочую силу, отражает ее в самом ее корне»⁸⁰.

Соответственно стихийному развитию производительных сил крупное производство возникает как «стихийное, естественно выросшее образование»⁸¹. Но оно вырастает не из потребностей феодального замкнутого хозяйства, а на базе сравнительно развитого общественного разделения труда и мелкотоварного производства⁸². Поэтому появление крупного производства, тем более мануфактуры, этого могучего фактора дальнейшего развития товарного хозяйства, — новый факт чрезвычайного значения, свидетельствующий о крупных сдвигах в области хозяйства, и не только хозяйства: появление мануфактуры создаёт новые экономические отношения «между группами участвующих в производстве лиц». На смену патриархальным отношениям, характерным для мелкого производства, оно выдвигает, с одной стороны, предпринимателя, владельца средств и орудий производства, а с другой — работников, лишённых того и другого. Тем большим показателем этих сдвигов является крупное производство с применением наёмного труда — прямое свидетельство наличия капиталистических элементов в недрах старого строя.

Вот почему основоположники марксизма период, предшествовавший победе капитализма, определяли как мануфактурный период, выдвигая тем самым на первое место возникновение и развитие крупного мануфактурного производства. Это вовсе не означает, что в качестве определяющего выдвигается только экономический признак. Появление крупного производства влекло за собой изменение в сфере производственных отношений, следовательно, и в развитии классовых и надстроечных явлений. Подтверждение этому мы находим в следующей оценке факта появления мануфактурного производства, данной И. В. Сталиным: «Когда в период феодального строя моподея буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные предприятия и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким общественным последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что это «маленькое» новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией»⁸³.

В силу сказанного при определении начала и дальнейших этапов «нового периода» в истории России приходится отводить особое место появлению и развитию крупного производства вообще и наличию в нём наёмного труда. В виде единичных случаев крупное производство появляется до XVII в., но более широкий и устойчивый характер оно приобретает лишь в конце 1620 — начале 1630-х годов⁸⁴.

⁷⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 332.

⁷⁹ См. там же, стр. 367 — 368. «Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту».

⁸⁰ Там же, стр. 368.

⁸¹ Там же, стр. 371.

⁸² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 45.

⁸³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 124.

⁸⁴ Обзор строительства мануфактур за XVII в. даётся на основании ряда работ советских историков: Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. Т. I, гл. II. М.-Л. 1949; Н. Бакланова. Стекольные заводы в Московском государстве XVII в.; И. Чекан. Тульские и каширские железные заводы XVII в.

В начале 30-х годов возникли первые вододействующие доменные заводы в Тульском и Алексинском уездах; проводились изыскания на Урале и в Олонецком крае; расширялись Пушечный двор и производство других видов оружия. Во второй половине века в строительстве металлургических заводов стали принимать участие правительство, представители боярства (Морозов и Милославский) и купечества (гости В. Воронин, С. Викулин). На протяжении XVII в. возникло не менее 20 «железных» заводов, при этом заводы центральной части России представляли собой вполне налаженные предприятия, перешедшие в следующее столетие⁸⁵.

Менее заметны были результаты мануфактурного строительства в текстильной промышленности, хотя в течение всего XVII в., опять-таки начиная с конца 20—30-х годов, крупное производство имело место не только в старой, широко распространённой полотняной промышленности, но и в новых отраслях текстильного производства — суконной, шёлковой, по производству парусины из пеньки. Мануфактурами были впервые возникшие (с 30-х годов) стекольные заводы, Духанинский и Измайловский, бумажные и пороховые мельницы, казённые и частные, принадлежавшие «пороховым уговорщикам», или поставщикам пороха из купечества. Представители боярства и купечества имели крупные предприятия по выработке поташа и смольчуги; купечество таких центров кожевенного производства, как Ярославль, Суздаль, Казань, Чебоксары, судя по большому количеству перерабатывавшегося там сырья, имело кожевенные заводы крупных размеров. Нечего и говорить о повсеместно распространённых мукомольных мельницах на три — четыре постава, на которых перерабатывалось огромное количество хлеба, а также о давнем солеваренном промысле, достигшем в XVII в. в руках некоторых лиц (например, Строгановых) колоссальных размеров.

Таким образом, в самых различных областях добывающей и обрабатывающей промышленности в XVII в. возникло крупное производство. В некоторых отраслях, где технологический процесс не отличался сложностью, например, в смолокурении, оно носило характер простой кооперации, в других — мануфактуры. Но, во всяком случае, его целью было увеличить количество продукции, требовавшейся как для внутреннего, так и для внешнего рынка, а следовательно, получить прибыль, что и нашло отражение в соответствующих документах: «То дело нашему ц[арскому] величеству было б прибыльно и славно, и в торгу дешевле»⁸⁶. Однако на практике в условиях феодального строя крупное производство, особенно казённое и дворцовое, являлось чертой не капиталистического, а крепостнического характера. Феодальное государство и дворец осуществляли право феодальной собственности на землю, на материалы и сырьё, на рабочие руки, привлекавшиеся в большинстве случаев в порядке внеэкономического принуждения. На частных, особенно купеческих, предприятиях применялся и принудительный и наёмный труд; здесь капиталовложения были значительнее; продукция частных предприятий шла на рынок.

Но частный, особенно купеческий капитал на протяжении XVII в. остался не втянутым в мануфактурное строительство в области обрабатывающей промышленности; его инициаторами являлись казна и дворец.

Чрезвычайно большой сдвиг в процессе возникновения и развития крупного производства наблюдался в царствование Петра, с первых десятилетий XVIII века. Промышленное строительство шло двумя путями.

Один, старый путь — это строительство за счёт казны, но оно протекало теперь бурно, «лихорадочно» и дало небывалые до того результаты, прежде всего в металлургии. Один за другим возникали крупные металлургические и металлообрабатыва-

(обе статьи см. «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII в.» М. 1928); Е. Заозерская. Список мануфактур, возникших при Петре I. «Исторические записки» № 19 за 1946 г., стр. 260—261; А. Якобсон. Указ. соч.; Г. Новицкий. К истории насаждения суконных фабрик в XVII в. «Труд в России» № 2. Л. 1934; его же. Первые московские мануфактуры XVII в. по обработке кожи. «Московский край в его прошлом». М. 1928; его же. К истории промышленности и труда во второй половине XVIII в. «Труд в России» № 1. М.-Л. 1924; А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. Л. 1929; Е. Заозерская. Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сборник «Петр Великий». Т. 1. М. 1947.

⁸⁵ См. список мануфактур XVII в., продолжавших действовать при Петре. Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I, стр. 154—156 М. 1947.

⁸⁶ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД), ч. 3, № 94.

ющие заводы в старых районах и на Урале; появились такие «гиганты» своего времени, как Екатеринбургский и Сестрорецкий заводы. Возникли в отдельных случаях крупные казённые мануфактуры в текстильной промышленности (суконные и полотняные), в кожевенной, в силикатной, в бумажной и др. Значительные по размерам и оборудованные на уровне современной техники, они требовали крупных по тому времени капиталовложений; «супотельное» мастерство текстильных мануфактур предъявляло спрос на более или менее квалифицированную рабочую силу, которая привлекалась на основе найма. Однако феодальная форма собственности и эксплуатации оставалась преобладающей для казённой мануфактуры, хотя и здесь она сочеталась с капиталистическими элементами.

Второй, новый путь — это распространение начиная со второго десятилетия XVIII в., преимущественно в текстильной промышленности, купеческой мануфактуры и появление первых крестьянских мануфактур — явление чрезвычайно большого значения. Центром купеческой мануфактуры стала Москва⁸⁷, где имелись для этого наиболее благоприятные условия: сосредоточение купеческих капиталов, наличие рынка для закупок материалов и сбыта продукции. Здесь же имелись резервы рабочей силы, квалифицированной и неквалифицированной, стремившейся в столицу в поисках заработка. Купеческий капитал участвовал в основании 13 из 20 московских частных мануфактур и в содержании четырёх из бывших казённых, в четырёх мануфактурах участвовали купцы из крестьян, в одной — представители ремесла. Частный капитал в его постоянной и переменной части являлся нервом производства, наёмные работники — основной производственной, эксплуатируемой им силой. На московских мануфактурах рабочие, приходившие «собою» в поисках «прокормления», то есть заработка, составляли от 70 до 90%. Заработная плата являлась для них единственным источником существования, или воспроизводства их рабочей силы, так как большинство их оторвалось от земли и хозяйства «в малых летах», ещё до поступления на мануфактуру⁸⁸.

Частные мануфактуры лишь отчасти работали на казну, преимущественно же — на рынок, внутренний и внешний. Однако внеэкономическое принуждение имело место и здесь: на купеческих мануфактурах частично применялся принудительный труд; самый наём, оставаясь в своей основе актом договорного характера, носил специфические крепостнические черты: право розыска бежавшего рабочего, практика телесных наказаний и т. п. Но последние черты не являлись определяющими. В купеческой, так же как в крестьянской, мануфактуре ясно выявлялись новые, капиталистические элементы, и в этом было её прогрессивное значение; они являлись показателем сдвигов, намечавшихся в экономических отношениях того времени и развивавшихся далее на протяжении XVIII века.

В результате лихорадочного строительства фабрик и заводов при Петре в течение двух десятилетий в России возникла собственная металлургическая база в виде десятков казённых и частных доменных вододействующих заводов. Она не только освободила страну от импорта железа, но с 1720-х годов обеспечила и его экспорт.

Были также заложены основы русской крупной текстильной промышленности. К концу царствования Петра насчитывалось не менее 40 суконных, полотняных и шёлковых мануфактур, причём на некоторых из них работали сотни рабочих. Парусина и полотно с того времени заняли видное место в русском экспорте, отечественное сукно в значительной мере заменило импортное, шёлковые фабрики снабжали внутренний рынок. На последнем обращались также изделия стекольных, бумажных, шляпных и прочих мануфактур⁸⁹.

⁸⁷ Сведения о московской мануфактуре взяты из моей диссертации «Развитие лёгкой промышленности Москвы в первой четверти XVIII в.» (рукопись).

⁸⁸ См. там же, гл. 9.

⁸⁹ Характеристика мануфактурного строительства при Петре дана на основании многих работ советских историков и экономистов, из которых назову лишь некоторые: Б. Кафенгауз. Указ. соч. и ряд статей; М. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск. 1948; П. Любимиров. Очерки по истории русской промышленности. М.-Л. 1947; А. Глаголева. Олонечские металлургические заводы при Петре I; «Исторические записки» № 35 за 1950 г.; Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М. 1947; её же. Развитие легкой промышленности в Москве при Петре I (рукопись) и ряд статей; С. Струмилин. Чёрная металлур-

Последующие десятилетия XVIII в. характеризуются дальнейшим ростом мануфактурного строительства. В конце 1760-х годов количество металлургических заводов достигло 140, увеличившись сравнительно с двадцатыми годами больше чем в два (60 мануфактур). К тому же времени Мануфактур-коллегия количество подведомственных ей предприятий определяла в 500, оговаривая, что в том числе имеются мелкие⁹⁰. На грани XVIII—XIX вв. (точнее, на 1805 г.) насчитывалось 209 металлургических заводов и приблизительно 1 100 мануфактур в области обрабатывающей промышленности⁹¹.

Как и в начале века, в металлургии, остававшейся по преимуществу в руках казны и дворянства, преобладал принудительный труд. По подсчётам С. Г. Струмилина, в конце XVIII в. на заводах чёрной металлургии фактически работали (при учёте того, что основная масса принудительных — приписные крестьяне — работала посменно в счёт подушной подати) около 40 тыс. принудительных рабочих⁹², наёмных же, по данным К. А. Пажитнова, насчитывалось 15 тысяч⁹³.

Мануфактуры лёгкой промышленности большей частью принадлежали купцам; с середины века всё чаще появляются крестьянские мануфактуры, а также и вотчинные, дворянские.

В конце 1760-х годов наёмные рабочие в текстильной промышленности составляли 39,7% (в полотняной и шёлковой — 50% и в суконной — 30%)⁹⁴. К 90-м годам XVIII в. общее число наёмных работников увеличилось только до 42%. Анализ применения наёмной рабочей силы по отраслям показывает, что процент этот понижается за счёт суконной промышленности вследствие увеличения в ней с середины века числа дворянских мануфактур. Вот данные о проценте вольнонаёмных рабочих по отраслям на 1805 г.: в хлопчатобумажной (новой) — 96,9%, в полотняной — 60,4%, в шёлковой — 74%, в суконной — 9,7%⁹⁵. Таким образом, к концу XVIII в. удельный вес наёмного труда в текстильной промышленности, исключая суконную, значительно поднялся. В общем же по своей социально-экономической структуре русская мануфактура на протяжении всего XVIII в. развивалась как сложное явление «переходной эпохи», сочетавшее капиталистические элементы с крепостническими.

Вспомним ещё об одном важном показателе наличия капиталистических отношений в русской крупной промышленности, характерном лишь для конца XVIII в., — широком использовании работника на дому. Выше уже отмечалось, что В. И. Ленин считал эту систему эксплуатации мелкого производителя наиболее характерной для капиталистической мануфактуры.

Приведённые данные свидетельствуют о больших сдвигах переломного характера в русской промышленности не середины, а конца XVIII века. О наступлении этого перелома говорят также имеющиеся сведения о владельцах мануфактур. 1740—1770-е годы — время наиболее активного участия дворянства в промышленном деле. Кризис дворянских мануфактур, весьма показательный для расшатывания феодальной экономики под влиянием развития капиталистических элементов, относится не к 40-м годам, как полагал Н. Л. Рубинштейн, а к последним десятилетиям XVIII века. На это указывают исследователи истории текстильной промышленности такого крупнейшего центра, как Ивановский⁹⁶, об этом свидетельствуют упадок и переход дворянских металлургических заводов в купеческие руки⁹⁷. Вотчинная мануфактура, лишённая возможности расширенного воспроизводства, оказывалась мало

гия в России в XVIII в. (рукопись); Ф. Полянский. Русская мануфактура XVIII в. (рукопись); Ф. Сомов. Промышленная политика Петра Великого. «Учёные записки МГУ», вып. 123. М. 1947, и др.

⁹⁰ См. ЦГАДА. Гос. архив, разр. XIX, кн. 40, лл. 110—116, 218, 220.

⁹¹ См. К. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века. «В И» № 3 за 1948 г., стр. 61—62.

⁹² См. С. Струмилин. Указ. соч. (рукопись). Итоговой цифрой подсчётов акад. С. Г. Струмилина пользуюсь с его разрешения.

⁹³ См. К. Пажитнов. Указ. соч., стр. 62.

⁹⁴ См. И. Мешалин. Указ. соч., стр. 45.

⁹⁵ См. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX вв., стр. 33. М. 1950.

⁹⁶ См. А. Разгон. Указ. соч., стр. 146—148.

⁹⁷ См. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 248; М. Вяткин. Указ. рукопись, стр. 87.

жизнеспособной. «Были случаи, — пишет А. М. Разгон, — когда мануфактуры начинали свое развитие как купеческие с наемной рабочей силой, но превращались со временем в дворянские, переходили к обслуживанию вотчинного хозяйства и в конце концов исчезали»⁹⁸.

В течение всего XVIII в. численно среди частных мануфактур преобладали купеческие, несмотря на временную конкуренцию с ними дворянских мануфактур. К концу века, как уже указывалось, увеличилось количество крестьянских мануфактур. Последние, возникая на почве имущественного расслоения, а затем и разложения среди мелких товаропроизводителей — крестьян, — появлялись преимущественно в крупных центрах крестьянских промыслов⁹⁹.

На последнее десятилетие XVIII в. приходится введение усовершенствованной техники — первых машин как в текстильной промышленности¹⁰⁰, так и в металлургии¹⁰¹.

Таким образом, появление крупного мануфактурного производства в более или менее заметных размерах начинается с 30-х годов XVII века. С первых десятилетий следующего века оно расширяется и приобретает элементы капиталистического производства. Последние заметно усиливаются во второй половине XVIII в. и особенно к его концу. Однако ведущее значение капиталистическая мануфактура приобретает лишь с начала XIX века.

Наблюдения, даже самые общие, свидетельствуют об аналогичных сдвигах в области сельского хозяйства; правда, в связи с тем, что в сельском хозяйстве в полной мере тяготело крепостничество, эти сдвиги здесь сказываются слабее.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения относятся прежде всего к торговле продуктами сельского хозяйства, главным образом хлебом, и вместе с этим к вопросу о товарности сельскохозяйственного производства. Известно, что торговля хлебом была довольно широко распространена уже в XVI в., когда хлеб с разных сторон подвозился не только в столицу и более крупные города, но когда хлебом, как и другими продуктами земледелия и скотоводства, торговали по торжкам, куда его везли и помещики и крестьяне, а также скупщики¹⁰².

Начиная с 30—40-х годов XVII в. хлебная торговля становилась всё более заметным явлением, что было связано с усилившимся отделением промышленности от земледелия и сосредоточением её в городах, а также с хозяйственной специализацией отдельных районов. В больших запасах хлеба нуждались не только города, но и целые районы: Псковский и Новгородский, север и Сибирь. В этом отношении показательны данные о торговле Устюга — центра хлебной торговли для севера. Сюда поступал хлеб из разных мест: с Унжи и Ветлуги, с «вятского волока», а с другой стороны — с Вычегды и юга, а также из многих других мест. Количество зарегистрировавшегося в таможене хлеба огромно, причём по преимуществу это был крестьянский хлеб. В Устюге, по сведениям источника, «крестьяне продавали хлеба и ржи или ячменя или овса и хмело четверть или десять или двадцать, и сукно, и скотину»¹⁰³.

Известно, что вопрос о подвозе хлеба и его цене глубоко волновал население Пскова и Новгорода. В Москве перекупщики устраивали настоящие облавы на приближавшиеся к столице хлебные обозы. Города, и прежде всего Москва, нуждались также в других продуктах земледелия и скотоводства, подвозившихся из районов с намечавшейся хозяйственной специализацией. В XVII в. становится заметным экспорт хлеба, а также других продуктов земледелия — льна и пеньки — и скотоводства — кожи, сала, конского волоса, шетины.

В первой четверти XVIII в. чрезвычайно усилился спрос на продукцию сельского хозяйства в связи с относительным ростом городов и городской промышленности (ману-

⁹⁸ А. Разгон. Указ. соч., стр. 147.

⁹⁹ См. И. Мешалин. Указ. соч., гл. 3; К. Щепетов. Указ. соч., стр. 99 — 101.

¹⁰⁰ См. И. Мешалин. Указ. соч., стр. 96 и 105.

¹⁰¹ См. В. Данилевский. И. И. Ползунов. М.-Л. 1940.

¹⁰² См. Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. Гл. 5. М. 1899.

¹⁰³ Е. Сташевский. Пятинна 142 года. Журнал Министерства народного просвещения № 4 за 1912 г., стр. 260.

фактурные рабочие в городах жили за счёт рынка), организацией небывалой по размерам и оторванной от хозяйства сухопутной и морской армии, строительством городов и крепостей, флота и каналов, которое собирало «многие тысячи» временных работников, в большинстве случаев питавшихся на свой заработок. Хлебные подряды этого времени поражают своими размерами. Растёт винокурение.

В результате торговли хлебом получила повсеместное распространение, что и подтверждается таблицей, составленной в 1727 г. на основании данных таможен за 1724—1727 годы¹⁰⁴.

Наименование товара (четв.)	В ы в е з е н о и з г у б е р н и й							
	всего	Москов- ской	Новго- родской	Архан- гельской	Воронеж- ской	Смолен- ской	Винного- родской	Сибир- ской
Рожь	118 351	28 772	2 382	21 240	32 366	4 318	14 539	14 734
Ржаная мука	101 309	26 076	5 804	2 291	23 196	354	25 631	17 957
Пшеница	13 958	4 337	52	96	3 584	119	5 561	209
Пшеничная мука . .	37 671	3 997	1 280	163	152	33	25 961	1 085
Овёс и изделия из него	45 949	25 900	5 564	1 450	2 820	1 875	7 140	1 200
Пшено	3 209	1 152	63	—	1 178	—	816	—
Греча	13 823	8 600	780	21	879	126	3 417	—

Вывоз из Московской губернии повышался за счёт подвоза хлеба со всех сторон в Москву как в центр всероссийского рынка не только для удовлетворения потребностей её населения, но и для вывоза в разных направлениях и больше всего в Петербург.

Данные о московской хлебной торговле 1720-х годов свидетельствуют о больших масштабах хлебной торговли вообще. За сентябрь — декабрь нормального по урожаю 1728 г. водой и гужом в Москву было привезено около 170 тыс. пудов разного хлеба, в том числе пшеница, греча, пшено и др. Хлеб поступил больше чем из 35 уездов (некоторые остались неизвестными), из которых наибольшее значение имели уезды, расположенные южнее Москвы: Переяславль-Рязанский, Каширский, Михайловский, Зарайский. Более южные черноморские уезды давали ещё небольшие количества хлеба¹⁰⁵, зато они приобрели решающее значение во второй половине XVIII в., когда житницей России стала Воронежская губерния.

Для характеристики хлебной торговли воспользуемся выводами Б. Д. Грекова¹⁰⁶. «Сельское хозяйство губернии, — пишет он, — решительно втянуто в торговый оборот», хотя «главная масса населения — однодворцы и крестьяне». Хлеб продавали повсюду, сами крестьяне в ближайших городах — Туле, Калуге, Москве; чаще же хлеб скупали на местах в городах и по деревням скупщики, местные и приезжие. Хлеб отправлялся на север — в Москву и Петербург, а также в города, имевшие тогда промышленный характер, — Ярославль, Кострому, Рыбную слободу. Только с пристани Морши на реке Пне в эти города ежегодно отправлялось не менее 300 тыс. четвертей, для чего весной сюда собиралось не менее 25 тыс. сезонных рабочих¹⁰⁷. Хлеб отправлялся в Саратов, а также на юг: на Дон, в Азов, Крым и Константинополь. Таким образом, часть хлеба предназначалась на экспорт, но большая часть — для внутреннего рынка.

Такова общая картина роста хлебной торговли на протяжении XVII—XVIII веков.

По наблюдениям современников, спрос на продукты сельского хозяйства увеличивался в связи с тем, что «на припасы, харч и всякие изделия прибыло покупщи-

¹⁰⁴ См. ЦГИАЛ. Фонд комиссии о коммерции, оп. I, д. 105.

¹⁰⁵ См. Б. Кафенгауз. География внутренней торговли и экономическая специализация районов России в 20-х годах XVIII в. «Вопросы географии». Т. 20 за 1950 год.

¹⁰⁶ Б. Греков. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. «Летопись занятий Археографической комиссии» за 1927—1928 гг., вып. 35.

¹⁰⁷ См. там же, стр. 76—77.

ков»¹⁰⁸ прежде всего за счёт крестьян, которые теперь «охотнее» занимались «механическими работами», «нежели трудными делами земледельческими»¹⁰⁹.

Рост спроса, со своей стороны, воздействовал на крестьянское и помещичье хозяйство, заставляя его приспособляться к новым рыночным отношениям. Поставщиками хлеба на рынок и в XVII и в XVIII вв. были и крестьяне и помещики. Котошихин «дороговь великую», установившуюся на продукты сельского хозяйства в 1660-х годах, объяснял тем, что в связи с медными деньгами крестьяне «не почали в города возить сена и дров и съестных припасов»¹¹⁰. Следовательно, от крестьянского подвоза зависело снабжение городов и колебание цен.

По таможенным данным 1728 г., на долю крестьян в гужевом подвозе в Москву приходилось 60%, при этом везли хлеб и сами крестьяне и скупщики¹¹¹. Продажа хлеба для крепостного крестьянина и в XVII и в XVIII вв. нередко была вынужденной. Крестьяне продавали хлеб «для податей», или для уплаты «оброку», или чтобы купить самое необходимое: «для покупки соли и иного домочного харчу». Необходимость и нужда заставляли крестьянина продавать хлеб, излишки которого в его хозяйстве были далеко не частым явлением при наличии всё усиливавшейся эксплуатации и одновременно сокращении крестьянской запашки при сохранении низкой техники.

Писатели второй половины века отмечали, что крестьяне не удобряют своих полей¹¹². Времени же для их обработки в условиях всё возраставшей барщины, когда она нередко захватывала все или почти все будние дни, оставалось мало. Нужда в деньгах, ощущавшаяся всё сильнее, заставляла продавать необходимый для себя хлеб. Когда в 1741 г. был разрешён экспорт хлеба, из России за границу было вывезено «хлеба непомерное количество, особливо из Лифляндии, ибо крестьяне, лстясь на прибыль, продали весь хлеб без остатка, и оттого и учинился там голод»¹¹³. Для огромной массы крестьян, часто продававшей последнее, дело было не в прибыли, как изображали представители привилегированного класса, а в нужде. Так было и в конце XVIII века. «Поселяне, — пишет Болтин, — имея нужду в деньгах на платеж государственных податей и помещичьих доходов, продают иногда за полцены трудов своих будущие плоды»¹¹⁴, то есть продают будущий урожай.

Но были и крестьяне, «льстившиеся» на прибыль. Развитие рыночных отношений влекло за собой, по данным анкет XVIII в., два важнейших следствия: во-первых, имущественное расслоение среди крестьянства и, во-вторых, применение наёмного труда. По сведениям местных жителей, «деньги весьма свободно стали, и оттого прожиточные люди как рабских людей и землю нанимают, так и хлеб и прочее продают дорогою ценою». В то же время «многие жители пришли во оскудение и оттого земли свои прожиточным мужикам в наем отдают, а сами идут в работу». В эти же места приходят наниматься со стороны «в зажин хлеба», получая «большую плату» — по 2 четверти с десятины. «И такое множество людей для зажинки хлеба находит, что иные... не найдя себе работы, назад и в другие места отсюда возвращаются»¹¹⁵. Оба эти явления, чрезвычайно важные для констатации начавшегося разложения феодального хозяйства, были уже налицо, но всё же ещё в начальной стадии. Во всяком случае, указания на них, в особенности на использование наёмного труда в крестьянском хозяйстве, в данной статье единичны. Начало же не только имущественного расслоения, но и разложения крестьянства относится к ещё более раннему времени¹¹⁶.

¹⁰⁸ И. Болтин. Указ. соч., стр. 454.

¹⁰⁹ К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 135.

¹¹⁰ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 90. СПб., 1906. 4-е изд.

¹¹¹ См. Б. Кафенгауз. Указ. соч., стр. 202.

¹¹² См. М. Щербатов. Соч. Т. I, стр. 643.

¹¹³ М. Чулков. Описание российской коммерции. Т. IV, кн. VI, стр. 586. М. 1786.

¹¹⁴ И. Болтин. Указ. соч., стр. 232.

¹¹⁵ Б. Греков. Указ. соч., стр. 97, 87.

¹¹⁶ О земельном неравенстве и начале разложения среди крестьян в XVIII в. см.

И. Бак. К вопросу о генезисе капиталистического уклада в крепостном хозяйстве России. «В И» № 4 за 1948 г., стр. 74—75; Н. Рубинштейн. Крепостное хозяйство и зарождение капиталистических отношений в XVIII в. «Учёные записки МГУ», вып. 87; «История СССР», стр. 121—122. М. 1946; Е. Дракохруст. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII века. «Исторические записки» № 4 за 1938 г.; Г. Библиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце

Относя глубокий процесс разложения крестьянства к более позднему времени, В. И. Ленин отмечал, что «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения. Но развиться эти зачатки могут только при следующей форме ренты, при денежной ренте, которая является простым изменением формы натуральной ренты»¹¹⁷.

Уже в первой половине XVIII в. неравномерность землепользования наблюдалась среди дворянских и государственных крестьян, из которых одни имели земли с излишеством, а другие — с недостатком¹¹⁸. Мобилизация земли разными способами (покупка, аренда) в руках зажиточных крестьян имела место в первой половине XVIII в.; этому способствовали и сами помещики, поощряя алчные элементы деревни. Так, тот же Татищев рекомендует неплатёжеспособного крестьянина «отдать другому в батраки без заплаты, который будет платить за него подать и землю его владеть, а его, лёнвина, будет иметь работником»¹¹⁹. Очень возможно, что подобная практика уже существовала. На то, что она существовала в середине и во второй половине века, указания приводились выше. И это понятно при том условии, что, по словам Маркса, «превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих подёнщиков, нанимающихся за деньги»¹²⁰. Между тем «распространение» денежного оброка и замена им значительной части натуральных поступлений — факт общеизвестный для середины и второй половины XVIII века¹²¹.

Помещики торговали хлебом только из расчёта на прибыль. У более предприимчивых хозяев, начиная с царя Алексея Михайловича и крупных землевладельцев — бояр, — спрос на продукцию сельского хозяйства усилил к нему интерес уже в XVII в.; хлебную торговлю вели и монастыри. Но этот интерес направлялся не в сторону улучшения и поднятия хозяйства (его продолжали вести старыми приёмами), а к увеличению боярской пашни и усилению эксплуатации крестьян, то есть к хищническим приёмам для увеличения товарной массы сельскохозяйственной продукции. К середине XVII в. барская запашка в центральных районах занимала обычно до половины всей площади, а иногда значительно больше¹²².

Данные начала XVIII в. по отдельным помещичьим хозяйствам (правда, наиболее крупным) — Меншикова, Строгановых, Шереметева — свидетельствуют о росте предпринимательства и большой связи этих хозяйств с рынком. Особенно показательны сведения о хозяйстве Шереметева, далеко не шедшего в ногу с петровскими реформами, корнями связанного со старой «боярской аристократией». Но и его захлестнул хозяйственный товарооборот. «Во всем искать прибыли» становится его девизом. На рынок вывозились хлеб, сено, табак, овощи, яблоки, скот, шерсть, куры, мёд, воск. Устраивались конские заводы, разводился и закупался племенной скот; десятками насчитывались винокурни, на которых перерабатывался не только свой, но и покупной хлеб¹²³.

Торговля помещиков продуктами сельского хозяйства стала распространённым явлением. Недаром уже в 1726 г. понадобился специальный указ о том, чтобы помещики продавали продукты своего хозяйства «у портов» русским людям, а не прямо иностранцам¹²⁴.

XVIII и начале XIX в. Там же; П. Рындзюнский. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в. Там же.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 143.

¹¹⁸ См. «Русская старина». Кн. 1-я за 1879 г., стр. 17.

¹¹⁹ В. Татищев. Краткие экономические до деревни следующие записки, «Временник». Кн. XII, стр. 28. 1852.

¹²⁰ К. Маркс. Капитал. Т. 3, стр. 812. 1949.

¹²¹ Новые факты, и очень выразительные, приводятся К. Щепетовым. Указ. соч., стр. 68—72. См. также: С. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего-Новгорода и Нижегородской области. XVII—XIX вв., стр. 75—76, 85. Горький. 1950.

¹²² См. П. Лященко. Указ. соч. Т. I, стр. 299.

¹²³ См. К. Щепетов. Указ. соч., стр. 33; А. Заозерский. Фельдмаршал Шереметев (рукопись).

¹²⁴ См. М. Чулков. Указ. соч., стр. 531.

В предпринимательских целях расширялась барская запашка, улучшался уход за скотом, огородами и садами. «Домоводство» приобретало особый интерес, что подтверждается данными хозяйственных наказов 1720-х годов Вольнского и Строганова¹²⁵. В восьмом пункте наказа, или инструкции, Вольнского говорилось об увеличении производства хлеба. В этих целях прежде всего давался традиционный наказ «прибавить» пашни. Но наряду с этим требовалось применение глубокой вспашки, а главное, удобрения; интересно, что наряду с обычным видом удобрения — навозом — упоминается об искусственно приготавливаемом компосте из листьев и сучьев.

Полтора десятилетия спустя Татищев, отражая мысли и интересы передовых представителей землевладельческого класса, в своих «Экономических записках» концентрировал внимание на организации собственно господского хозяйства так, чтобы оно было более доходным. Для этого было необходимо, по его словам, ввести четырёхпольную систему, заменить соху плугом, улучшить удобрение; автор рекомендовал сортировку и подготовку семян, особые приёмы сева и уборки урожая¹²⁶. За отсутствием конкретных данных мы не знаем, насколько эти рекомендации соответствовали практике даже передовых хозяйств 20—40-х годов XVIII в., но несомненно, что и в это время основным путём к получению большего количества товарного хлеба была не интенсификация хозяйства, хотя мысли о ней появлялись, а захват земли, количественное расширение запашки, дальнейший нажим на крестьян. Эти приёмы вызвали характерное замечание уже у Вольнского (1724 г.): «В том нет пользы, что хотя и много напахано, а плохо, отчего и труды, и хлеб теряем напрасно»¹²⁷.

Теми же приёмами отвечало дворянство на усиливавшийся спрос на продукты его хозяйства в середине века и позднее. По словам Болотова, «у всех затвержено только, что для приумножения хлеба необходимо надобно, чтоб земли было больше и хлеба сеять множайшее число»¹²⁸. Погоня за землёй и её расширение отчасти явились причиной генерального мжевания в середине века. Отсюда же рост барщины, захваты-вавшийся нередко во второй половине века все будние дни недели, однако хозяйство помещика в массе оставалось попрежнему экстенсивным. Интенсификация и во второй половине века являлась уделом немногих передовых хозяйств, но, во всяком случае, практика интенсификации, а главное, мысль о ней, распространялась уже значительно шире. У Болотова, например, каждый клочок земли был использован соответственно её свойствам — под пашню, луг, лес, выгон, сад, огород, пруд, — чтобы каждый клочок давал доход. Недаром это запущенное имение меньше чем через 10 лет стало образцовым: сюда приезжали соседние помещики посмотреть и поучиться. В селе Киясовке Болотов применял даже семипольную систему с правильным севооборотом и травосеянием; вспахивание почвы производилось два и три раза.

Медленно изменялись сельскохозяйственные орудия: к концу века в господском хозяйстве плуг заменил соху. «Сверх того, — писал Радищев, — у некоторых помещиков найдется плуг на иностранный манер, также катки гладкие и с зубьями, но редко»¹²⁹. Вводилось промышленное орождение. В промышленных и торговых целях помещики разводили лён, коноплю, на юге — пшеницу, которая уже к концу века начинала вытеснять рожь в экспорте.

Естественно, что общий интерес помещика к хозяйству усилил внимание и к скотоводству. Уже в наказе Строганова 1725 г. ряд статей был посвящён советам, как содержать лошадей и рогатый скот. «Двор скотной и птичий составляют предмет столько важный, что оной у доброй хозяйки приносит довольно доходу на снабжение дому покупными провизиями, как то: сахаром, чаем, солью и тому подобным. Нужно только, чтобы имелся на оных порядочный завод и чтоб умела она продавать на всех соседственных торжищах масло, яйца, молоко, цыплят ранних и пр.»¹³⁰, — писал Левшин. советуя упрочить связь с рынком.

¹²⁵ См. журнал «Москвитянин», кн. I, за 1854 г., стр. 22—23. М.; см. также «Исторический архив», кн. IV за 1949 год.

¹²⁶ См. «Временник», кн. 12 за 1852 г.; Смесь.

¹²⁷ Инструкция дворецкому Ив. Немчинову. «Москвитянин», кн. I за 1854 г., стр. 23.

¹²⁸ «Труды Вольного экономического общества». Ч. IX, стр. 39. 1766.

¹²⁹ А. Радищев. Описание моего владения, поместья, вотчины, деревни или назави, как хочешь. Полн. собр. соч. в двух томах. Т. II, стр. 279. СПб. 1907.

¹³⁰ В. Левшин. Указ. соч., кн. I, стр. 92.

На эту связь, причём двустороннюю, то есть куплю-продажу, указывал каждый писатель-экономист последней трети XVIII века. Болотов писал, что помещики Каширского уезда, приспособляясь, с одной стороны, к качествам почвы, а с другой, — к рынку, большие сеют не рожь, а дорогой продажный хлеб и отправляют обозы с пшеницей, гречневой крупой и горохом в Москву, где цены выше¹³¹. О том же сообщали из Владимирского и Каширского уездов. Из южных уездов хлеб направлялся к новым черноморским портам. Обобщением могут служить следующие слова Левшина: «Есть небольшие помещики, имеющие очень малые дачи; но, умея искусно сбывать свои произведения, получают великие доходы. Одни прилежат к разводу виноградников или садов, другие к хлебопашеству или к маслособояням или к посеву льну и коноплей, к выделке полотен, веревок и пр. Каждая округа имеет свое особенное удобнейшее произведение и выгоднейший на оное расход, чем хозяину должно уметь пользоваться»¹³².

К рынку приспособляют своё хозяйство не только среднепоместный дворянин, нуждающийся в деньгах, но и такие вельможи, как Румянцев, Орлов, Разумовский. Последний в 1797 г. выписал «шпанских овец», разводил шелковицу и ввел шелководство в Яготине, выписывал машины, заводил мельницы, разводил табак¹³³.

Здесь воочию выступает тип помещичьего хозяйства, живущего на старой, крепостной основе, но с новыми промысловыми целями, тесно связанного с рынком. Рынок был нужен не только для продажи своего продукта, но и для покупки того, к чему привыкло привилегированное сословие в течение XVIII века. Неприхотливая обстановка и относительно скромные вкусы не только дворян, но и бояр XVII в. сменились привычкой к комфорту, к роскоши. Удовлетворять эти потребности силами собственного хозяйства уже было невозможно.

Так вопрос «о способах исправления сельского домоводства так, чтобы увеличивалась его доходность», — вопрос, лишь намечавшийся в начале века, стал злободневным в последних его десятилетиях. О нём говорят ответы на анкеты и статьи в трудах Вольного экономического общества, о нём пишут средний домовитый хозяин Болотов и гениальный полководец Суворов, Рычков и первый великий русский учёный Ломоносов. Нечего говорить, что основой хозяйства для них оставалось крепостное право; таким представляли себе хозяйство и Волынский, и Татищев, и Болотов, и Левшин. Но знаменательно, что при наличии крепостнической основы происходили изменения, приспособлявшие помещичье хозяйство к новым экономическим условиям, выводившим его из сферы замкнутости к широким рыночным отношениям. Конец века даёт в этом отношении ясную картину.

Напомним ещё один момент, выяснившийся выше: наряду с эксплуатацией крестьян помещиком во второй половине века растёт их эксплуатация «прожиточными мужиками», выделявшимися в силу новых экономических явлений из общей массы крестьянства. Однако наёмный труд в крестьянском хозяйстве был ещё редким явлением.

От сферы производства обратимся к сфере обращения, так как рынок — непреходящий показатель происходящих в производстве изменений. «Рынок» является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство»¹³⁴.

О торговле хлебом речь шла выше, в связи с вопросом о сельском хозяйстве вообще; теперь же коснёмся сферы обращения несколько шире.

Предпосылки образования всероссийского рынка ясно намечаются уже в XVI в.; тогда же выявляется значение Москвы как его будущего центра¹³⁵. То и другое определяется в XVII в., характеризуемемся «концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹³⁶. Это — основное новое явление в сфере обра-

¹³¹ См. «Труды Вольного экономического общества», ч. II, за 1766 г., стр. 186.

¹³² В. Левшин. Указ. соч., кн. I, стр. 99.

¹³³ См. П. Барте́нев. Осмнадцатый век. «Исторический сборник», кн. 2 за 1869 г., стр. 623—624.

¹³⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 83—84.

¹³⁵ См. С. Бахрушин. Указ. соч.

¹³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 137.

щения для XVII—XVIII вв.¹³⁷, хотя процесс концентрации не заканчивается и в XVIII веке.

Центром национального рынка становится Москва, в которую стекается и через которую проходит множество самых разнообразных товаров и торговых людей из ближних и дальних городов и уездов. Товары, направлявшиеся из Москвы, расходились во всех направлениях, достигая далёких окраин; «московский товар» можно было встретить в любом сколько-нибудь значительном городе, на торжках и ярмарках.

Москва в XVII в. была центром, но далеко не единственным городом большого торгового значения. В XVII в. такое значение приобрели города: Ярославль, Калуга, Вологда, Устюг, Нижний-Новгород и Казань, Смоленск и Рыльск.

Примером могут служить Устюг и Тихвин, не являвшиеся «первостатейными» городами. «Охватывая бассейн верхней и средней Волги, — пишет К. В. Базилевич, — торговые связи Устюга простирались далеко на север от Ваги до Варзуги, Мезени, Печеры и Ижмы»¹³⁸. Тихвинский посад торговыми нитями был связан с городами, «разбросанными на огромной территории от Повенецкого рядка до Астрахани, от Пскова до Казани»¹³⁹.

Временными межрайонными центрами оживлённейшей торговли являлись крупные ярмарки — Макарьевская, Свенская, Ирбитская, — стягивавшие товары из самых разных «областей» или районов. Здесь встречались товары всех видов: отечественные и привозные, широкого потребления и предметы роскоши.

Образование «буржуазных связей», «хозяевами» которых были «капиталисты-купцы», сказывалось и на торговой политике правительства, нашедшей отражение в повоуказных статьях 1653 г. и в Новоторговом уставе. На основании первых уничтожался целый ряд мелких пошлин с заменой их одной, «рублёвой», что облегчало организацию межрайонной торговли; последнему способствовал также Новоторговый устав.

Другим показателем развития внутреннего рынка являлось втягивание в торговлю крестьян и начало их конкуренции на данном поприще с купечеством. Эта конкуренция нашла выражение уже в середине XVII в. хотя бы в вопросе о беломестцах¹⁴⁰. Крестьянство — заметный поставщик своих и скупленных товаров и в Москве и в провинциальных городах, таких, как Тихвин, Устюг, Пошехонье¹⁴¹.

С начала XVIII в. происходит дальнейшее расширение и укрепление всероссийского рынка, с одной стороны, благодаря вовлечению в него новых территорий, а с другой, — развитию промышленности. Показателем достаточной устойчивости торговых связей между областями является факт сохранения за Москвой значения экономического, в частности, торгового центра страны после утраты положения политической столицы. Последнее подтверждается данными таможенных книг 30—40-х годов XVIII века. Так, в 1740 г. в московской таможене, по неполным данным, было зарегистрировано 228 лиц из 56 городов, объявивших в таможене деньги на товарную покупку. Закупив разных товаров на 63 тыс. рублей, они направили их в 73 пункта¹⁴².

В силу сосредоточения в Москве и вокруг неё обрабатывающей промышленности, мелкой и крупной, Московская губерния во главе с Москвой снабжала все остальные губернии всевозможными товарами обрабатывающей промышленности, особенно текстильной и кожевенной. Но свои богатства имелись и в других губерниях: из Новгородской, например, вывозились мелкие железные изделия вроде замков, сошников, гвоздей, а также лён; из Воронежской — шерсть; из Смоленской — пенька; из Архангельской и Нижегородской — деревянная посуда и другие изделия.

Следующая таблица говорит о размерах вывоза товаров из различных губерний¹⁴³.

¹³⁷ См. П. Баканов. О принципе периодизации и начальном периоде истории СССР капиталистической эпохи. «В И» № 2 за 1950 год.

¹³⁸ К. Базилевич. Торговля Великого Устюга в середине XVII в., стр. 94. «Учёные записки» Института истории РАН ИОН. Т. IV. М. 1929.

¹³⁹ К. Сербина. Указ. соч., стр. 132.

¹⁴⁰ См. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I, гл. IV. М.-Л. 1947.

¹⁴¹ См. С. Сакович. Указ. соч.; К. Сербина. Указ. соч.; Е. Чистякова. Указ. соч.

¹⁴² См. Е. Кушева. Указ. соч.

¹⁴³ ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, оп. I, д. 105.

Название	Вывезено из губерний							
	Московской	Новгородской	Архангельской	Воронежской	Смоленской	Нижегородской	Сибирской	Итого
Башмаки	43 489	17	83	—	—	704	—	44 293
Сапоги	35 500	200	7	—	2	5 590	96	41 395
Выбойка (аршины)	267 006	—	—	—	—	—	—	267 006
Крашенина „	533 245	6 348	49 825	3 633	6 167	—	1 900	601 118
Пестрядь „	141 110	400	1 869	—	—	2 200	—	145 579
Холст „	60 126	16 450	—	338	—	—	10 760	87 674
Шапки мужские . .	7 600	—	—	—	—	700	—	8 300
Рукавицы разн. . .	28 996	11 750	6 688	—	—	8 958	—	56 393
Свечи (пуды) . . .	12 638	225	3	—	—	—	—	12 866
Юфть „	533 297	4 083	—	4 424	—	1 671	—	543 476

О развитии всероссийского рынка свидетельствует рост городов¹⁴⁴, а также ярмарочного межрайонного торгова в XVIII веке. При Петре I Макарьевская ярмарка ежегодно давала пошлинного сбора 10—11 тыс. руб., Свенская—4—7 тыс. руб.¹⁴⁵, мелкие ярмарки насчитывались сотнями. На Свенской ярмарке изделия московской промышленности — стамед¹⁴⁶, байка, камлот, каламянка, карты, бумага, сургуч, платки и ленты — встречались с ивановским и шуйским полотном, ярославским холстом, украинским сукном, тверскими замками, галицкими удилами. Товары, особенно дешёвые, массового употребления, привозились сюда в огромных количествах. Так, например, 20 тыс. аршин холста, 5 тыс. аршин мишуры, 50 тыс. аршин шурка и т. п.¹⁴⁷

В конце века число ярмарок доходило до полутора тысяч. Кроме того ясно обозначились крупные торговые центры, к которым тяготели обширные районы. На юг от Москвы центрами, куда направлялись продукты земледелия и скотоводства из многих уездов, были Орёл и Калуга; на север от Москвы — Ярославль и Тверь, куда стекались товары для переправки их на север и в Петербург. Центром Среднего Поволжья стал Нижний-Новгород; товары Нижнего Поволжья с Урала и с Камы сходились в Казани, а к концу столетия всё большее значение приобретал Саратов¹⁴⁸.

Расширение и укрепление «национальных связей» в области товарооборота оказывало воздействие на политику правительства прежде всего в том же вопросе о внутренних пошлинах и таможах и привело к постановке вопроса об их уничтожении. Последний был поставлен в 1740-х годах, а решён в 1753 г., на 40 лет раньше, чем во Франции.

Развитие новых экономических отношений подтачивало также сословные перегородки. При Петре торговля и запись в посад разрешались всем, вплоть до крестьян, с условием несения посадских платежей и служб. Позднее для обеспечения пополнения нарождавшегося купеческого класса «капитальными» членами был установлен размер торгова, обязательный при записи в посад.

Однако до конца столетия существовали различные ограничения, а главное, монополии, препятствовавшие свободному развитию торговли. Имело место стремление сохранить сословный характер торговли и всячески стеснить участие в ней других элементов и прежде всего крестьян.

Лишь в конце века под напором новых экономических отношений происходит частичная ломка отживших свой век условий (отмена монополий, свобода мелочной крестьянской торговли даже в столицах), что давало основание иностранцам делать такое

¹⁴⁴ По данным И. Кириллова («Цветущее состояние всероссийского государства». М. 1831), при Петре I было 336 городов; на 1812 г. — 634 (К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 104).

¹⁴⁵ См. ЦГИАЛ. ф. Коммерц-коллегии, экспед. 2-я, оп. I, д. 932, лл. 36 — 42.

¹⁴⁶ Вид шерстяной ткани.

¹⁴⁷ См. там же, экспед. 1-я, оп. I, д. 281.

¹⁴⁸ См. Е. Кудшева. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов. 1928.

заключение: «Может быть, нет в мире государства, где внутренняя торговля была бы подвержена меньшему числу ограничений и поборов, чем Россия»¹⁴⁹.

История внешней торговли России за два века (XVII—XVIII) указывает на тот же процесс неуклонного расширения; начиная с середины XVII в., а особенно с начала XVIII в., прежде всего благодаря выходу в Балтийское море, а также развитию промышленности — в состав русского экспорта прочно входят железо, парусина, разные полотна. О росте внешней торговли России говорят следующие цифры¹⁵⁰:

Г о д ы .	Общий оборот	Вывоз	Ввоз
	в миллионах рублей		
1726	6,3	4,2	2,1
1757—1760 (средн.) .	12,1	8,3	5,8
1797	74,7	40,4	28,3

Таким образом, за первую четверть XVIII в. внешнеторговый оборот возрос примерно в 4 раза (с 1,5 до 6,3), за вторую — ещё вдвое, а за вторую половину XVIII в. — в 6 раз. Кроме того начиная с первой четверти века до его конца внешнеторговый баланс оставался активным.

С того же времени русское купечество в значительной степени взяло в свои руки инициативу торговли с Западной Европой. Оно направляло туда товары на собственных кораблях, имело торговых агентов и корреспондентов в крупнейших городах Европы; в конце века по инициативе самого купечества образовались крупные торговые компании, типа акционерных обществ. Успехи русской внешней торговли послужили основанием для создавшегося у западноевропейских политиков мнения, что «торговля Европы с Россией нужнее Европе, чем Россия»¹⁵¹.

При Петре была установлена караванная торговля с Китаем, делались попытки во второй четверти века наладить торговлю со Средней Азией; тогда же практически встал вопрос об установлении торговых отношений с Турцией. В поисках расширения внешнеторговых связей в конце века купечество устремилось к южным морям.

Итак, на протяжении XVII—XVIII вв. наблюдается единый процесс роста товарного обращения в пределах складывавшегося широкого всероссийского рынка. Этот процесс был заметным явлением уже в середине XVII века. Усиливаясь к его концу и к началу следующего столетия, он привёл к отмене внутренних пошлин в 1750-х годах и ряда ограничений в области торговли в конце века.

Сводные данные по экономике XVII—XVIII вв. свидетельствуют о наличии в ней, как в сфере производства, так и в сфере обращения, буржуазных, или капиталистических, отношений, развивающихся в недрах достаточно крепкой феодальной формации. Нарастание новых явлений происходило, как указывалось выше, при господстве натуральной системы в подавляющей массе крестьянского и даже помещичьего хозяйства. Новое пробивалось в борьбе со старым, пока в недрах уже разлагавшегося феодального строя не созрели более или менее готовые формы капиталистического уклада, при наличии которых обычно начинается буржуазная революция¹⁵². Основными проявлениями новых экономических отношений были рост общественного разделения труда и расширение товарного производства как в мелкой, так и особенно в возникшей за этот период крупной промышленности. На их базе развёртывается широкое товарное обращение. Таков основной единый процесс, наблюдаемый нами в XVII—XVIII вв., хотя и подготовленный в предшествующий период.

¹⁴⁹ См. Е. Тарле. Была ли екатерининская Россия экономически отсталой страной. Сборник «Запад и Россия», стр. 128. Пгг. 1918.

¹⁵⁰ См. А. Семёнов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности. Ч. 3, стр. 21—28. СПб. 1859.

¹⁵¹ Е. Тарле. Указ. соч., стр. 128—129.

¹⁵² См. И. В. Сталин. Соч. Т. 8, стр. 21.

Начало этого процесса приходится на первые десятилетия XVII в., когда в более или менее заметных масштабах возникает крупное мануфактурное производство, качественно новый элемент в этом длительном процессе, явно свидетельствующий о росте товарного хозяйства. Утверждение мануфактурного производства приходится на начало XVIII века.

Во второй половине века рост товарного производства, в том числе строительство мануфактур, а также товарного обращения принимает ещё более ускоренные темпы. К этому времени относится важнейший этап в развитии нового уклада — усиленная товаризация мелких крестьянских промыслов и крестьянского сельского хозяйства, рост на этой базе имущественного расслоения среди крестьянства и первые признаки его разложения.

Однако происходившие изменения не исчерпываются развитием товарности; чрезвычайно важен другой момент — распространение наёмного труда в сфере производства, промышленного и сельскохозяйственного. И в этом отношении мануфактура занимает особое место.

Анализируя понятия товарного и капиталистического производства, В. И. Ленин пишет: «Таким образом в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое». Последнее происходит, «когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека»¹⁵³.

Возвращаясь к экономике «нового периода», необходимо оговорить, что наём в какой-то степени, в своеобразных формах феодального акта, практиковался с давних пор, но в более или менее заметных размерах и достаточно устойчиво он вошёл в сферу производства в XVIII веке.

Впервые применение наёмного труда получило распространение в крупной промышленности, купеческой и крестьянской, возникшей с первых десятилетий XVIII века. В дальнейшем, как мы видим, наёмный труд в этой области укрепляется, хотя до конца столетия не вытесняет собою принудительный труд.

Одновременно вследствие расслоения мелких производителей наёмный труд с начала XVIII в. проникает в мелкое производство, городское и крестьянское, которое, однако, в огромной своей массе до конца века остаётся простым мелкотоварным производством. Разложение мелких производителей и превращение крестьянской мастерской в мануфактуру даже в конце XVIII в. — явления, свойственные преимущественно крупным промышленным центрам.

«Наёмщик» в сельскохозяйственном производстве и во второй половине века — это сезонный рабочий в хозяйстве «прожиточного» крестьянина. Массы же крестьянства оставались мелкими непосредственными производителями. Дворянское хозяйство до конца периода основано на крепостной организации труда. Сохраняя в массе экстенсивный характер, помещичье хозяйство с конца XVII — начала XVIII в. разными путями и прежде всего хищнически — захват земли и усиление эксплуатации крестьян — приспособляется к растущим рыночным отношениям.

Определяя два момента в историческом развитии капитализма: превращение натурального хозяйства в товарное, а товарного — в капиталистическое, — В. И. Ленин заключает: «Таким образом схема должна быть составлена так, чтобы показать оба эти момента в развитии капитализма...»¹⁵⁴.

Экономическое развитие России за изучаемый период позволяет наметить эти два момента следующим образом: в течение XVII в., начиная с конца 20-х и с 30-х годов, ясно обнаруживается процесс превращения натурального хозяйства в товарное, хотя он и не завершается, а продолжается и в следующем столетии. Но тогда он осложняется элементами второго ряда, то есть начинается «превращение товарного хозяйства в капиталистическое», причём данный процесс, заметно усиливаясь во второй половине века, с конца его ведёт к кризису крепостного хозяйства.

¹⁵³ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 77.

¹⁵⁴ Там же.

Необходимо изучение и основополагающая характеристика изменений, которые происходили в течение «нового периода» в положении отдельных классов и в развёртывании классовой борьбы в связи со сдвигами в области хозяйства. В данной статье мы только коротко наметим эти изменения.

Осложнение феодальной экономики развитием в её недрах новых производительных сил и производственных отношений вело к усложнению и обострению социальных противоречий в течение «нового периода» — таково общее положение.

Усложнение выражалось прежде всего в росте, количественном и качественном (в смысле удельного веса), торгово-промышленного элемента, или как бы «третьего сословия горожан».

Эта верхушка уже в середине XVII в. имела крупные капиталы и вела широкие торговые операции, связанные с хищничеством и грабежом — типичными приёмами первоначального накопления капитала.

Экономический рост посадского или торгово-промышленного элемента нашёл отражение во введении уже в первой половине XVII в. специального, ставшего затем постоянным, подоходно-помущественного обложения в виде пятой и десятой деньги, а также в привлечении посадских к службам, особенно связанным с материальной ответственностью.

В соответствии с материальным поднимался и политический удельный вес «третьего сословия». Его представители — непременные и активные члены земских соборов — в защиту своих интересов уже в середине века вступали в борьбу с представителями господствующего класса, подавая челобитные и выступая на соборах. Крупнейших купцов правительство первых Романовых иногда использовало при решении важных экономических вопросов; политики, вроде Ордын-Нащокина, учитывавшие значение новых явлений в экономике и обществе, шли навстречу «посадским мужикам», проводя политику протекционизма¹⁵⁵.

Рост широких посадских масс — торгово-промышленной мелкоты и бедноты — сопровождался выступлениями её против феодального государства и торговой верхушки, эксплуатировавшей посадский люд. Волна городских восстаний приходится на середину XVII в., когда посады успели оправиться после опустошения, причинённого захватчиками, и окрепнуть благодаря росту промышленности и торговли в стране.

Особой напряжённостью борьба отличалась в крупных городах — Новгороде, Пскове, Устюге и особенно в Москве, которая с середины века три раза была ареной ожесточённой антифеодальной борьбы (1648, 1662, 1682 гг.)¹⁵⁶. Южные города и города Поволжья принимали широкое участие в восстании С. Т. Разина.

Таковы показатели роста в XVII в. новой социальной силы, в свою очередь, далеко не однородной. Расслоение посадского населения сопровождалось давлением посадских верхов и сопротивлением «низов», побивавших во время восстаний крупных купцов наряду с представителями правящего класса¹⁵⁷.

Ускоренный процесс экономического развития России с начала XVIII в. выразился прежде всего в количественном росте тех, кто занимался торгами и промыслами, и в дальнейшей концентрации их в городах. Московский посад, испытывавший особую тяжесть требований феодального государства и, несмотря на это, непрерывно пополнявшийся за счёт «новоприбылых» из разных городов и деревень, — прекрасная иллюстрация к этому положению.

¹⁵⁵ См. К. Базилевич. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. «Учёные записки МГУ». Серия историческая. Т. I. М. 1940; его же. Коллективные челобитные торговых людей. «Известия» АН СССР, отд. общественных наук, № 2 за 1932 год; П. Смирнов. Указ. соч. Т. I, гл. V и VI.

¹⁵⁶ См. С. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г. Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пгг. 1917. М. Тихомиров. Псковское восстание 1646 г. М. 1935; его же. Новгородское восстание 1650 г. «Исторические записки» № 7 за 1940 г.; П. Смирнов. Указ. соч. т. II, гл. II. М.-Л. 1948; С. Богоявленский. Хованщина. «Исторические записки» № 10 за 1940 г., и др.

¹⁵⁷ См. там же. О дифференциации посадского населения см. также в указанной статье Е. В. Чистяковой.

Рост удельного веса новых явлений отражала политика Петра I, поощрявшая торгово-промышленную деятельность, открывавшая доступ в посад, вводившая новую систему городского управления с представительством наиболее зажиточных слоёв.

Важным показателем происходивших изменений является отмирание старой организации посада по слободам, то есть не по экономическому, а по административно-территориальному признаку. С развитием товарного производства и обращения происходило не только обособление, но даже противопоставление торгово-промышленной деятельности — ремесленно-производственной, купечества — массе мелких производителей города. Отсюда петровские указы о создании купеческих гильдий и ремесленных цехов.

С новыми явлениями в области экономики связан также рост в городах немущего люда, городского плебса; его ряды пополнялись теперь мануфактурными рабочими. Этот новый производительный элемент петровское законодательство относило к «подлым людям», вычеркнув их из состава «регулярных граждан».

Так, можно сказать, что посад с его бесформенной экономической организацией перестал существовать при Петре как нечто цельное, — он распался на три экономически различные группы, из которых две — цеховые и городская беднота — противостояли гильдейской верхушке¹⁵⁸. Последняя, всё более и более отсняя от рынка мелкого производителя и направляя хозяйскую руку в сферу промышленности, выделяется при Петре как «нарождающийся класс торговцев».

В дальнейшем этот класс всё более определяется и всё решительнее занимает командное положение в экономике города. С одной стороны, он ведёт упорную борьбу с мелким производителем в целях его подчинения, с другой, — выступает против господствующего класса, защищая свою монополию на торгово-промышленную сферу.

«Чумный бунт» 1771 г. — яркое проявление антагонизма и борьбы городских масс с феодальными и торговыми верхами, в которой участвовали и мелкий производитель-ремесленник, и чернорабочий, и мануфактурный «мастеровой».

Дворянское правительство Елизаветы и Екатерины II горой защищало интересы своего класса и в то же время учитывало требования поднимавшегося купеческого класса, что свидетельствовало о росте последнего в связи с развитием новых производительных сил.

Иначе реагировало правительство на рост другой силы — рабочих мануфактур, — силы, далёкой ещё от превращения в класс пролетариата. Между тем уже правительство Екатерины II испытывало перед нею страх. «Громадные мануфактуры, — замечала Екатерина, — которые имели неосторожность завести в Москве, ибо чрезмерное количество рабочих этих мануфактур усугубляет свойственное этому городу от века беспоконное состояние»¹⁵⁹. «Чрезмерное» же количество исчислялось в то время в Москве десятью — двенадцатью тысячами. Дело было не столько в количестве рабочих, сколько в их упорной борьбе, начавшейся вместе с появлением крупной промышленности.

Движения приписных крестьян имели место на первых железных заводах Марсе-лиса; позднее, в конце XVII в., произошло вооружённое выступление крестьян Кижского погоста в Олонецком уезде. Значительно шире развернулась эта борьба при Петре в связи с ростом крупного производства. Преобладала пассивная форма борьбы, выражавшаяся в постоянных побегам крестьян; но иногда борьба принимала форму открытых выступлений.

Особым упорством и организованностью отличались выступления рабочих крупных городских мануфактур, и прежде всего московских. В 1717 г. массовую «противность» оказали рабочие крупнейшей мануфактуры того времени (1362 человека) Хамовного двора, а вслед за ними, в 1722 г., — Суконного двора. Борьба возобновилась и приняла упорный, затяжной характер в 1730-х годах¹⁶⁰. К тому же времени относится сопро-

¹⁵⁸ См. Е. Заозерская. Московский посад при Петре. «В И» № 9 за 1947 год.

¹⁵⁹ Екатерина II. Соч. Т. XII. Автобиографические записки, стр. 642. СПб. 1907.

¹⁶⁰ См. Е. Заозерская. Мануфактура при Петре I, стр. 143 — 144; её же. Мануфактура в Москве в середине XVIII в. «Исторические записки» № 33 за 1950 г., стр. 152 — 156.

тивление рабочих Казанской суконной мануфактуры Дряблова; тогда же, в конце 30-х годов, начались волнения на полотняной мануфактуре Гончарова, продолжавшиеся с перерывами в 40-х годах и достигшие кульминационного момента в 1752 году¹⁶¹.

Это были массовые движения. Сотни рабочих подписывались под своими жалобами и «уликами», бросали работу, не принимаясь за неё, несмотря на угрозы, побои, голод. Эта новая форма борьбы родилась на первых петровских мануфактурах. Рабочие выставляли требования профессионального характера, борясь против снижения заработной платы, ухудшения условий работы, использования их не по назначению и т. п. В связи с указом 1736 г. появился новый мотив — протест против прикрепления к мануфактуре.

Уже первые движения мануфактурных рабочих отличались по сравнению с крестьянскими большей сплочённостью и организованностью. Обычно они подавлялись при помощи вооружённой силы.

Опасения правительства особенно усилились, когда во время «Чумного бунта» в Москве произошло объединённое выступление обездоленного и угнетённого люда, среди которого в первых рядах оказались рабочие мануфактур¹⁶². Одновременно усиливалась борьба горнозаводских рабочих, преимущественно крестьян, крепостных или приписных; волнения имели место и на казённых и на частных заводах¹⁶³.

Первые известные нам вооружённые выступления крестьян относятся к 20-м годам XVIII века. Волнения на отдельных заводах имели место и позднее, примером их может служить вооружённое сопротивление крестьян Рамодановской волости, приписанных к нескольким заводам Демидова в 1752 году¹⁶⁴.

Крестьяне боролись против прикрепления к заводам, особенно при переходе из казённого ведомства в частные руки, против новых форм крепостной эксплуатации; вместе с тем они выставляли и некоторые экономические требования, подобно рабочим городских мануфактур.

Аналогичные движения произошли на грани 50 — 60-х годов на бывших казённых заводах, только что перешедших в руки представителей знати — Шувалова, Воронцова, Ягужинского¹⁶⁵. Именно этот переход и вызвал сопротивление крестьян, не желавших, как и крестьяне заводчиков Миляковых в 1720-х годах, признавать себя частновладельческими. В 1770-х годах борьба горнозаводских крестьян вылилась в массовое участие в восстании под руководством Е. И. Пугачёва.

В борьбе заводских крестьян наблюдаются общие черты с движениями рабочих городских мануфактур (приостановка работы, экономические требования), однако большая стихийность роднит её с крестьянским движением вообще.

Во всяком случае, борьба работавших на промышленных предприятиях, выступающая как особый вид борьбы с 1710 — 1720-х годов, чрезвычайно осложняла и вносила новые черты в классовую борьбу того времени и уже тогда заставляла правительство настораживаться.

Развитие новых производительных сил повлияло и на положение основного производящего класса феодального общества — крестьянства. С ростом товарных отношений увеличились потребности и феодального государства и господствующего класса — жажда новых больших доходов. Их источником служило крестьянство; отсюда рост эксплуатации в форме увеличения оброка, особенно денежного, и барщины в её различных, более разнообразных формах. Особенно суровой эксплуатация становится с начала XVIII в., — именно это и отметил И. В. Сталин, говоря о том, что при Петре с крестьян «драли три шкуры».

¹⁶¹ См. «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», М.-Л. 1937.

¹⁶² См. П. Алефиренко. Чумный бунт в Москве в 1771 г. «В И» № 12 за 1947 год.

¹⁶³ См. Е. Заозерская. Приписные и крепостные крестьяне на частных железных заводах в первой четверти XVIII в. «Исторические записки» № 12 за 1941 год.

¹⁶⁴ См. «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», М.-Л. 1937.

¹⁶⁵ См. В. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II, стр. 322 — 349. СПб. 1901.

В погоне за землёй и рабочими руками господствующий класс добывается в середине XVII в. признания в законодательном порядке права собственности на личность и имущество крестьянина, что в дальнейшем было закреплено указами Петра и его преемников. Вечная крепость крестьянина ещё больше развязала руки помещика; к середине XVIII в. эксплуатация крестьян достигла небывалых размеров.

Крепостное право развернулось вширь, распространившись на новые территории и на новые группы населения, угрожая национальностям, входившим в состав многонационального русского государства. Ответом на рост крепостничества была обострённая борьба крестьянства, проявлявшаяся в сильнейших взрывах, каковыми были восстания под руководством Разина и Пугачёва.

В промежутках между ними непрекращавшееся сопротивление крестьян выливалось в массовое бегство и открытые разрозненные выступления против отдельных феодалов. Такие выступления имели место в 30-х, 40-х, 50-х, 60-х годах и позднее. Для начала 1760-х годов В. И. Семевский отмечает рост этих выступлений в связи с крушением надежд на освобождение, появившихся у крестьян после издания указа о вольности дворянства. Подъём в движении крестьян, по мнению автора, в конце 1760-х годов сменяется некоторым «затишьем»¹⁶⁶.

Массовые восстания крестьян, которые направлялись и против расширявшегося закрепощения и против роста эксплуатации, имели общие черты и общие причины поражения. Угроза восстаний возрастала, поскольку крестьяне находили союзников среди недовольных городских масс, мануфактурных рабочих, а также среди присоединённых к России национальностей.

Борьба последних также носила самостоятельный характер. Особым упорством и длительностью отличались восстания башкир, начавшиеся в XVII в. и особенно усилившиеся с первых лет XVIII века. Они продолжались в 30-х годах¹⁶⁷ и вылились в сильнейшее восстание в 1750-х годах.

Краткий анализ социальных явлений изучаемого периода свидетельствует о том, что на протяжении его социальные отношения в соответствии с изменениями в экономике становятся более сложными и напряжёнными. Наряду с основными классами феодального общества намечаются новые социальные группы и новые формы классовой борьбы. Но её генеральной линией остаётся борьба основной массы производителей — крестьян — против феодалов — помещиков.

В глухой форме она непрерывна: её периодические взрывы (восстания С. Т. Разина, Е. И. Пугачёва) потрясают государство и заставляют господствующий класс вооружаться всеми способами для удержания масс в узде. Городские восстания и борьба мануфактурных рабочих лишь обостряют и усиливают эту классовую борьбу.

В этом ещё одно доказательство единства данного периода как части феодальной эпохи. Недопустимо делить его на два качественно различных периода: относить первую половину — с XVII в. до 60-х годов XVIII в. — к феодальному периоду, а с 1760-х годов начинать историю капиталистических отношений в России.

Однако взрывы классовой борьбы вместе с наблюдаемыми сдвигами в области экономики являются основанием для внутреннего членения «нового периода».

Намечающиеся на основании анализа экономических явлений две грани — одна относится к началу XVIII в. и другая к его последним десятилетиям — знаменуются также моментами обострённой классовой борьбы. Первая грань — восстаниями: крестьянским 1707 — 1708 гг., городским в Астрахани и национальными в Башкирии. Все они были общим ответом на рост эксплуатации в связи с развитием товарного хозяйства. Последние десятилетия XVIII в. идут под знаком восстания под руководством Е. И. Пугачёва, от которого протягиваются нити к крестьянскому движению 1790-х годов, охватившему три десятка губерний.

¹⁶⁶ См. В. Семевский. Указ. соч. Т. I, стр. 419 — 439. СПб. 1903.

¹⁶⁷ См. Н. Устюгов. Башкирское восстание 1737 — 1739 годов. М.-Л. 1950; С. Соловьёв. История России, кн. V, стб. 826 — 827, 970 — 972; Изд. «Общественная польза».

Итак, «новый период» в истории России характеризуется возникновением и развитием нового «уклада общественного хозяйства» в недрах господствующей феодальной формации, а вместе с этим ростом социальных противоречий и обострением классовой борьбы.

Начало «нового периода» относится к 20—30-м годам XVII века. Две внутренние грани делят его на три основных этапа.

Первый этап: конец 20—30-х годов XVII в. — начало XVIII в. (десятилетия). Характерной чертой является рост простого товарного производства и «усиливающийся обмен между областями», что соответствует указанному выше первому моменту «в историческом развитии капитализма» (Ленин).

Второй этап — 10-е годы — 80—90-е годы XVIII в. — характеризуется началом превращения простого товарного производства в капиталистическое. В разных сферах производства начинает использоваться наёмный труд.

Третий этап — конец XVIII в. — 1861 год — это время расложения и кризиса феодальной формации под влиянием развития капиталистического уклада.

Совершенно ясно, что на каждом этапе имели место изменения и сдвиги не только в сфере производительных сил и производственных или экономических отношений людей, но и в области надстройки возникали новые явления, содействовавшие укреплению этих сдвигов.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ